

ПРЕМИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО

МИХАИЛ

Сухотин

ЦЕНТОНЫ И МАРГИНАЛИИ

НОВОЕ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

**П Р Е М И Я
А Н Д Р Е Я
Б Е Л О Г О**

Михаил
СУХОТИН

**Центоны
и
маргиналии**

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА 2001

ISBN 5-86793-159-5

© М. Сухотин, 2001

© Вс. Некрасов, послесловие, 2001

© «Новое литературное обозрение», 2001



Портрет М. Сухотина – из “Работ, собранных Ю. Альбертом”

Содержание

Вступительная статья	9
----------------------------	---

Центоны

Друг мой милый	15
Tristia	17
Литературные памятники	19
Страницы на всякий случай	21

Маргиналии

Роза Якова (маргиналии к Танаху)	37
Дыр бул щыл по У Чэн-Эню (маргиналии к «Путешествию на Запад»	57
Мама мам (маргиналии к «Третьему Завету» А.Н. Шмидт)	73
Речь идёт (маргиналии к Французской Книге)	85

Еще 3 поэмы

Желтая птичка	93
Сочинение по французскому языку на тему «о поэте и поэзии»	107
Шалалула	116

Глоссы

Как говорят поэты	130
Это сочинение	136
Следует читать	138

Послесловие	141
-------------------	-----

Вступительная статья

В своём обзоре «Некоторые другие» (журнал «Театр» 4, 91 г.) М. Айзенберг случайно обмолвился о моих стихах : «Личное начало уходит не только из интонации, но и из стиля. У вещей Сухотина как бы коллективный автор; это род поэтического медиумизма». Спасибо, конечно, за «систематизацию», то есть за то, что она была проведена вообще, — так сказать, в принципе. Но вот к «уходящему личному началу» и к «медиумизму» хотелось бы внести поправку. Поэзия ведь не столоверчение, и там, где автор имеет дело с «уже произнесённым», так или иначе, словом (а что, разве бывает по-другому?), не работает ли такая «коллективность» как раз лично на него самого? «Чужое» слово, ведь его ещё сказать нужно уметь. А там посмотрим, у кого и как поведёт себя это самое начало.

Вероятно, ту же мысль об «уходе личного» имел в виду и автор статьи о прошедшей примерно тогда же в Москве конференции по пост-модернизму, появившейся вслед за ней в «Независимой Газете». Там сказано: «сто процентные центоны Сухотина». Но и «сто процентность» — иллюзия того же порядка.

Так что прежде всего я хотел бы заверить всех и засвидетельствовать, что «уходить» из сво-

их сочинений никоим образом и никогда не вошло в мои намерения. По-моему, не надо специально присматриваться, чтобы увидеть : стихи эти в большей их части (даже чисто количественно) составляют не цитаты или парафразы, а собственно авторская речь. Аллюзии интересуют меня лишь в той мере, в которой на них может быть построена поэтическая речь. Она просто опирается на «то, что уже сказано» (кстати, точно так же она часто опирается на визуальные структуры текста как на выразительное средство).. Сознание же относительности, зыбкости всего «старого» и «нового» в искусстве особенно ясно выражено у Мандельштама :

Всё было встарь, всё повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.

(*Tristia*)

Но это не сознание финала. Иллюзорность «старого-нового» не отрицает «подлинного-неподлинного». Есть сущностное и несущностное, есть даже несущественное, и граница здесь как раз безусловнее, может быть, чем где бы то ни было. Л.Липавский, например, целый словарь хотел составить из сущностных значений вещей и понятий.

Таким образом, поэтическая речь, опирающаяся на аллюзии, отнюдь не отменяет отношений между автором, читателем и тем, что написано. Она лишь несколько смещает слишком, может быть, привычные для них и оттого стирающиеся акценты. Причём смещает их очень направленно: в сторону не устного, но именно письменного слова.

За точку отсчёта берётся книжность. Разговорная же речь вступает с ней при этом в совершенно особую взаимную зависимость. Оказывается, что о чем бы тогда ни шел разговор, он может служить неизменным поводом выяснения принципиальных, с моей точки зрения, для поэзии, как и вообще для искусства, отношений: кто, как и при каких обстоятельствах сказал (написал), говорит (пишет) или мог бы это сказать (написать)? В самом деле, кому: Пушкину с Лермонтовым, Ли Бо с Ду Фу или автору этих строк следовало бы приписать данные высказывания:

Ведь, Мурка
светит
свет,
и время
временит...
Ли Бо сказал:
«Печаль полна тобою».
Пишу
в ответ ему
с Ду Фу
как на духу:
«Не жду от жизни
ничего я».

На каком основании мы в конце концов отдадим кому-то из них предпочтение? То есть речь, собственно, о диалогической природе речи.

Так очерчивается уже имеющийся, как и центоны, название, отнюдь не являющийся никаким изобретением жанр. Это маргиналии, записки на полях книги, то, что пишется по поводу только что прочитанного, сопоставляется с ним. А сегодня, спустя несколько лет после составления этой книги, у меня появилась электронная почта, и я нашёл ещё более точное название этому жанру: ему бы называться «Re (ответить отправителю)». Борхес предлагал вместо многочисленных писательских обществ организовать одно «Содружество Читателей». Книга — вообще сущностное культурное понятие. Евреи, например, учат, что каждый человек — буква в книге жизни, и он должен вписать хотя бы одну букву в Тору (имеется в виду свой способ её прочтения и интерпретации, какое-нибудь своё особое наблюдение, но только сущностное). Ясно, что Тора здесь понимается широко, а не только как предмет из пергамента или бумаги, покрытой типографской краской. Этому есть и очевидное подтверждение в одной из агадот, где утверждается, что Тора была до сотворения мира: Творец смотрел в Тору и творил мир (р. Хошайя в «Берешит Рабба»). Еврейская книжность вообще вся маргинальна. Заглянуть хоть в Гемару, хоть куда угодно, — всё уточнения, комментарии к уточнениям, добавления к комментариям к уточнениям и т.д.: рамка в рамке.

Что же до центонов, то до 85 года, когда я случайно нашел это слово в словаре иностран-

ных слов и сразу узнал в нем название тому, что меня интересует в искусстве, мне этот термин ни в какой критической литературе днем с огнем и не попадался. Так что я, наверное, должен извиниться, но у меня и по сей день сохраняется впечатление (возможно, ошибочное), что я же и ввел его в литературный обиход. Стихи, впрочем, такие как «Люблю тебя, Петра творенье...» Некрасова, были, конечно, известны. Как бы то ни было, но в том, что сегодня часто называют центонностью, имея в виду не только литературную (по определению жанра), но вообще любую цитацию «общих мест» сознания и языка, обеспечивающую неповторимость чуть ли не всей новейшей русской поэзии, — в этом, по-моему, очень мало общего с той самой неповторимостью, и уж едва ли что-то — с тем, что я этим словом для себя обозвал 10 лет назад, да и сейчас называю. Тут все дело в том, кому и зачем центоны понадобились. Если только для того, чтобы оранжировать и без того коснеющую художественность в той системе отношений между автором, читателем и текстом, которую автор в самом ее принципе оживлять ничем не заинтересован, то, может быть, естественней было бы обойтись без подобных украшений?

Ведь центонность, как и маргинальность — общие свойства, присущие всей русской поэзии. Их можно проследить буквально на всём её протяжении. Например, аллюзия к «Вечернему размышлению о Божием величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова в элегии Батюшкова «К другу» и их связь со стихотворением Мандельштама «На страшной высоте

блуждающий огонь». Ещё примеры : поэма О. Седаковой, написанная по канве легенды о Тристане и Изольде или роман-комментарий В. Набокова «Бледный огонь».

Но мне интересно понять каждое из этих свойств как качество своего жанра. Насколько эти жанры индивидуализируемы — можно спорить. Всё же я убеждён, что жанр складывается и выявляется отнюдь не из спиритических сеансов и не из сообщений ТАСС, где «личное уходит из стиля» (куда? в пятки?), но лишь вопреки такой иллюзорности отсутствия. Чувство жанра — это вообще прививка против всех подобных «уходов», которые следовало бы назвать тем, чем они в прямом смысле и являются, а именно «немотой».

Вот, например, стихи такого неповторимого лирического поэта как М. Соковнин. Куда уж, казалось бы, более общее качество, чем простое перечисление, номинация (которая и до него была в чести : у обэриутов, у Оболдуева...). А ведь именно он увидел в нём жанр, начал писать и назвал «предметниками», так что теперь все поэтические перечисления невольно хочется назвать «несоковнинскими предметниками».

М.С.

ЦЕНТОНЫ

Друг мой милый

Встать! Суд идёт. Ничего, собственно, не происходит, но нет никаких гарантий.

Сесть! Посвидетельствуйте за меня, я не хочу садиться.

Встать! 1985. Москва. Осень.

Сесть! Помилуй Боже.

Встать! Тяжело мне, замирают ноги, друг мой милый, видишь...

Сесть! На севере диком я стою совсем одиноко...

Встать! Помедли, помедли, вечерний день, помедли, помедли...

Сесть! И только и свету...

Ничего, собственно, не происходит, но тянется след кровавый.

По сырой траве суд идёт. Москва. Осень.

Встать! Не с теми я, кто бросил землю, нет, не с теми...

Сесть! Их уехали целые тыщи, целые тыщи...

Встать! Кончено время игры, кончено время...

Сесть! Бессмысленно и беспощадно, бессмысленно и беспощадно...

Встать! Я прошу как жалости и милости, жалости и милости...

Сесть! Но надо жить без самозванства, без самозванства...

1985. Москва. Осень.

Ничего, собственно, не происходит, но нет никаких гарантий.

Встать! Тесней, чем сердце и предсердье, сердце и предсердье...

Сесть! Ты мимо проезжаешь в «Чайке», друг мой милый...

Встать! Вот тот мир, где жили мы с тобою, жили мы с тобою...

Сесть! Вечности жерлом пожрётся, вечности жерлом пожрётся...

Встать! Сквозь дрожащие пятна берёзы, пятна берёзы...

Сесть! Та, к которой тяга, та, к которой тяга...

Суд идёт. По долинам, собственно, и по взгорьям.

След кровавый стелется по сырой траве. Tuba migum.

Встать! Чтобы не было мучительно больно, мучительно больно...

Сесть! Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...

Встать! Он всем нам общим памятником будет, общим памятником будет...
Сесть! Эка пакость внутри накопилась, внутри накопилась...
Встать! Нам хотя б до смерти собственной, хотя б до смерти...
Сесть! Слабеет жизни выдох...

Всё темней, темнее над землёю, друг мой милый.
Замечаешь ли мой красный шарф и жёлтые ботинки?
Встать! Я гражданином быть обязан, гражданином быть обязан...
Сесть! Да я и не скрываюсь, я и не скрываюсь...
Встать! Если бы меня враги наши взяли, враги наши взяли...
Сесть! Пусть горит моё окошко, горит моё окошко...
Встать! Кончается речь — эхо, эхо, эхо...
Сесть! Качается маятник — только обещање, только обещање...

По долинам и по взгорьям суд идёт, друг мой милый.
Посвидетельствуй хоть ты за меня : я не хочу садиться.
Встать! Господи, когда пожелаешь взять меня, пожелаешь взять меня...
Сесть! Душа моя, ох, ты родная, ох, ты родная...
Встать! День молитвы и печали, молитвы и печали...
Сесть! 1985. Москва. Осень.
Встать! День молитвы и печали, молитвы и печали...
Сесть! Сердце и предсердье, сердце и предсердье...

Tristia

Мы говорим Л, подразумеваем П (не Пушкин)
 мы говорим П, подразумеваем Л (не Лермонтов)
 мы говорим не Лермонтов, подразумеваем Лета, Лорелея
 мы говорим одну сонату вечную, подразумеваем одну молитву чудную
 мы говорим жизнёочка и умирашка, подразумеваем дитя и страсти и сомненья
 мы говорим кремнистый путь из старой песни, подразумеваем выхожу
 один я на дорогу.

Мы говорим выхожу один я на дорогу
 подразумеваем семейный разлад, Тарханы, бабушка
 мы говорим сквозь туман кремнистый путь блестит
 подразумеваем вызов свету, кавказская ссылка, болезненная мнительность
 мы говорим ночь тиха, пустыня внемлет Богу
 подразумеваем силы необъятные, приезд друга, уязвленное честолюбие
 мы говорим и звезда с звездой говорит
 подразумеваем дуэль, смерть, гроза.
 Мы говорим всё темней, темнее над землёю
 подразумеваем дипломатическая миссия в Турине, непринуждённое
 остроумие

мы говорим улетел последний отблеск дня
 подразумеваем Мюнхен, Гейне, Шеллинг
 мы говорим вот тот мир, где жили мы с тобою
 подразумеваем смерть Элен, отчаяние, мания присутствия
 мы говорим Ангел мой, ты видишь ли меня
 подразумеваем паралич, смерть, гроза.
 Мы говорим на меня уставлен сумрак ночи
 подразумеваем московская интеллигенция, Скрябин и Рубинштейн
 мы говорим тысячью биноклей на оси
 подразумеваем новая энергия, Шекспир, Гёте, Союз Писателей
 мы говорим если только можно, Авве Отче
 подразумеваем Нобелевская премия, письмо Хрущёву, безвыходность

мы говорим эту чашу мимо пронеси
подразумеваем Переделкино, смерть, гроза.

Мы говорим гроза
подразумеваем ох, родная, родная земля
мы говорим гроза гроза
подразумеваем Лимонов скажет, а я молчит
мы говорим гроза гроза гроза
подразумеваем вспомни об авторе
мы говорим гроза гроза гроза гроза
подразумеваем но скоро, скоро

Мы говорим П (не Пушкин), подразумеваем Л
мы говорим Л (не Лермонтов), подразумеваем Лоретти (Робертино)
мы говорим Лоретти, подразумеваем гул затих, и вот он вышел на подмости
мы говорим Робертино, подразумеваем голос сломался, голос сломался
мы говорим о dolce Napoli, подразумеваем вой волчий на поле
мы говорим bell' armonia, подразумеваем белая армия, белая армия
мы говорим Santa Lucia, подразумеваем сам-то ты не лучше, сам-то ты не лучше

Литературные памятники

Гораций : Egegi monumentum aere perennius
 Ломоносов : И я себе воздвиг такой же monumentum
 Гораций : Regalique situ pyramidum altius
 Ломоносов : И мой вот точно так же pyramidum altius
 Гораций : Sume superbiam quaesitam meritis
 Ломоносов : Quaesitam meritis, о муза, sume superbiam
 Гораций : E mihi Delphica lauro cinge volens Melpomene comam
 Ломоносов : Cinge volens мне, мне, Melpomene comam

Не говоря уже о том,
 что Аполлин на Геликоне,
 что быстрый разумом Невтон,
 и дочь бессмертия на троне,
 что телескоп, полемоскоп,
 сокровищ новая Индия,
 что Днепр, Волга, Лена, Обь,
 Академия, Поэзия...

Ломоносов : Я знак бессмертия себе воздвигнул
 Державин : А я памятник себе воздвиг чудесный, вечный
 Ломоносов : Превыше пирамид и крепче меди
 Державин : А мой металлов твёрже он и выше пирамид
 Ломоносов : Взгордися праведной заслугой, муза
 Державин : А ты, моя, гордись заслугой справедливой
 Ломоносов : И увенчай главу дельфийским лавром
 Державин : Нет, ты чело венчай зарей бессмертья

Не говоря уже о том,
 что молнии блещут над водами,
 что солнц златых огнистый сонм
 вселенной движется путями,

что всё падёт и пропадёт,
 телесный панцырь всех червь сгложет,
 что глас пиита не умрёт,
 а нам ничто уж не поможет...

Державин : Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный
 Пушкин : А я памятник себе воздвиг нерукотворный
 Державин : Металлов твёрже он и выше пирамид
 Пушкин : Зато к моему не зарастёт народная тропа
 Державин : О муза, возгордись заслугой справедливой
 Пушкин : А лучше всё-таки велению Божью будь послушна
 Державин : Чело твое зарей бессмертия венчай
 Пушкин : Это уж как изволишь — ты только не оспаривай глупца

POST SCRIPTUM :

Хор имени Пушкина: ПМТНК СБ ВЗДВГ НРКТВРН...
 Гораций: ЕУ-Е-ААЕ-АОАЯ-ОА!
 Хор имени Пушкина: ВЗНСС ВШ Н ГЛВ НПКРН...
 Гораций: АЕАИОО-ОА!
 Хор имени Пушкина: ВЛН БЖ МЗ БД ПСЛШН...
 Гораций: ОИЫ-Е-АА-Е-ЕУЯ-ЕА!
 Хор имени Пушкина: ХВЛ КЛВТ ПРМЛ РВНДШН...
 Гораций: И-Е-ОАИА-УА!

*Страницы на всякий случай**

Онегину и Алексеёву

Так провожают пароходы
совсем не так, как поезда...
Сидим у моря, ждём погоды...
С звездой прощается звезда :
«Пока, пока, Никита Феликсч!
Нам не нужны рубли и мелочь :
пройдя до половины путь,
пора забыться и уснуть...
А здесь останется аптека,
стоянка, улица, Рошаль...
Ничуть нам прошлого не жаль :
жизнь, тскть, утешит человека.
Блажен кто посетил сей мир,
он до сих пор струит эфир...»

Сей мир! Как полонез — Огинский,
Сей мир! я всё твержу своё :
Сей мир! наб. Сены, кварт. Латинский,
Сей мир! Гранд Опера, Шайо,
Сей мир! Клюни, Ситэ, Сорбонна,
Сей мир! Бюсси, Бобур, Гаронна,
Сей мир! Бурже, де Голль, Орли,
Сей мир! Лувр, Термы, Тюильри,
Сей мир! Бастилья, пл. Вогезов,
Сей мир! хр. Сакре Кёр, Монмартр,
Сей мир! Бове, Версаль, Дрё, Шартр,
Сей мир! дворец Мари-Терезы...

*Поэма написана в 1986 году, когда ещё железный занавес не был поднят
и расставание не сопровождалось, как правило ожиданием будущих встреч

Сей мир! Сей мир! Булонский лес.
Сей мир! Сей мир! кл. Пер Лашез.

Идея смерти очень многим
не открывается никак...
Застав себя на полдороги
забредшим в сумрачный овраг,
я в жизни целыми ночами
скорблю над разными вещами...
Застав себя на полпути,
зову : «О, время, погоди!»
В чём смысл жызни, а, Никита?
Я сделал две шаги напра...
и вот опять во всём неправ,
но это я неправ, а ты-то!
Я сделал две шаги назад...
Вперёд, вперёд, Вам говорят!

Вперёд! Как «Думу» — Украинка,
Вперёд! твержу что и сперва :
Вперёд! Ю.Цезарь, Меровинги,
Вперёд! Карл, Хлодвиг, Валуа,
Вперёд! Одиннадцатый Людовик,
Вперёд! Двенадцатый Людовик,
Вперёд! Столетняя война,
Вперёд! Тридцатилетняя война,
Вперёд! Бурбоны, Мазарини,
Вперёд! термидор, переворот,
Вперёд! брюмер, переворот,
Вперёд! Наполеон в пустыне...
Вперёд! Вперёд! Монджой! Монджой!
Вперёд! Вперёд! Аой? Аой.

Мой дядя самых честных правил.
Земную жизнь свою пройдя,
он на дуэль меня направил,
и там я выстрелил в тебя...
Ты тоже выстрелил навстречу...
Что было дальше — не отвечу,
что будет — тоже не скажу,
но я у чьих-то ног сижу,
а ноги мне : «Послушай, дядя,
Москва французу отдана
и будет век ему верна
в регалиях и при параде...»
Но *suum cuique* ведь, Никит,
пока здесь кто-нибудь сидит.

Пока! Как Оттюшнальд на дрейфе,
Пока! твержу один вопрос :
Пока! действительно ли Эйфель?
Пока! Мансар или де Бросс?
Пока! Далу «Триумф Силена»,
Пока! колонна Гондуэна,
Пока! Гарнье, Дюбюиссон,
Пока! Суффло, Котт, Пенгюссон,
Пока! д' Анжер «Великим людям...»,
Пока! Висконти, Лемерсье,
Пока! Фонтен, Ле Карбюзье,
Пока! всё сходится на Рюде...
Пока! Пока! Жан Пьер Бланшар.
Пока! Пока! Воздушный шар.

Громоподобная стихия
явила нам лицо огня...
Припомним схватки боевые,
на полпути о тех скорбя,
кого уж нет и кто далече...
Куда ты, гордый человече?
Повсюду прах один и тот ж...
Но ты без шляпы, без калош
стоишь один в пальто осеннем,
вспоминая на углу
Адмиралтейскую иглу,
дымок костра и невезенье...
Ура! Велик и страшен Росс...
Читатель ждёт уж рифмы «роз».

Не жди! Как што-то Руставели,
Не жди! я всё твержу своё :
Не жди! тетраэдр в Карусели,
Не жди! «плюс», Аристид Майоль,
Не жди! пожары, катаклизмы,
Не жди! музей импрессионизма,
Не жди! Людовик, Же-де-Пом,
Не жди! Оранжери, Карпо,
Не жди! Морис родные братья,
Не жди! Куазевокс, Г Кусту,
Не жди! ещё вот Н.Кусту,
Не жди! Ангье родные братья.
Не жди! Не жди! Ленотр, Перро.
Не жди! Поблизости — метро.

В минуту горького унынья
я обхожу родимый край,
влача поломанные крылья

через большой неурожай...
Но ты лети, Никита Феликсч...
Из пепла возрожденный фениксч
уже nel mezzo del cammin,
лети и ты за ним, за ним,
туда, где даль морей синеет,
туда, где ветерок да я,
где справедливость — нам судья,
где долг сквозь иней зеленеет...
Прости, я чахну день от дня...
Лети, не забывай меня.

Лети! Как няня у кивота,
Лети! я всё твержу одно :
Лети! Делакура «Свобода»,
Лети! Энгр, Добеньи, Коро,
Лети! Дега, Моризо Берта,
Лети! Липшиц (родня Альберта),
Лети! Клуэ, Ватто, Шарден,
Лети! Ван Гог, Бернар, Гоген,
Лети! Пикабия, фовисты,
Лети! Брак, Арп, Леже, Мане,
Лети! Дюшан, Дерен, Моне,
Лети! Сезанн, пуантелисты.
Лети! Лети! Андре Массон.
Лети! Руссо и Пикассо.

Вчера, как прежде, захотелось
зайти в тот яблоневый сад...
Здесь — чайка на песке пригрелась,
там — волны на бегу шумят...
Полжизни — прочь, как мы расстались,
но ощущения остались...
Напоминают мне оне

вечерний пир в родной стране :
среди увенчанных цветами
ничьи так глазки не блестят,
ничьи так щёчки не горят
над оживлёнными устами,
как у тебя, мой нежный друг :
ты в окружении подруг.

Подруг! Как конницу — Малевич,
Подруг! я подаю пример :
Подруг! Сен-Сир, Фурнье, Тишкевич,
Подруг! Перрен, Даву, Жубер,
Подруг! Ней, Богарне Евгений,
Подруг! воитель на Елене,
Подруг! Макдональд, Ожеро,
Подруг! Гранжан, Мортье, Моро,
Подруг! Мармон Рагузский герцог,
Подруг! Самсон, Фок, Лемонье,
Подруг! Клебер, Леклерк, Бовье,
Подруг! Массена Риволийский герцог...
Подруг! Подруг! Мюрат король.
Подруг! Подруг! Ген. Шарль де Голль.

Кто б ни был ты: рыбак, учёный,
поэт, спортсмен, филателист -
кипит наш разум возмущённый,
но взгляд и шаг наш прям и чист...
Вот твой кипит свободный разум
(как много нас вскипело разом!),
и мой на полпути кипит,
кипит и тихо говорит :
«Пройдут века, ты станешь песней,
и обновлённая страна

увековечит имена
детей Любви, Добра и Чести...»
Любовь, Никита Фельксч, и кровь
своих детей узнают вновь.

Детей! Как лошадь в Пржевальске,
Детей! я все твержу своё:
Детей! Гильом Дюк Аквитанский,
Детей! Кро, Теофиль де Вьё,
Детей! Пруст, «Феникс» Элюара,
Детей! Бодлер, Верлен, Шар, Тзара,
Детей! Камю, Сартр, Дюамель,
Детей! Виан, Габриэль Марсель,
Детей! Кёно, де Ноай Анна,
Детей! Экзюпери, Перек,
Детей! ещё 100 человек,
Детей! Нижинский в роли фавна...
Детей! Детей! Дада? Да-да.
Детей! Соссюр и Деррида.

Я здесь валялся на песочке,
мне был братишкою прибор...
Нас взяли всех по-одиночке
на полдороги, Боже ж мой...
Всё было вежливо и чисто :
Свинья канал под гармониста,
и Рыба с пушкой на часах,
и я с слезою на глазах...
Теперь куёт наш молот тяжкий,
а ты оденешь корольки,-
беги, Никита Фельксч, беги,
мы за тебя поднимем чашки,
а не успеем,— что ж, пустяк...
Нам всё ж тки хочется вот так.

Пусть так! Как «Царская Невеста»,
Пусть так! во мне гудит труба :
Пусть так! «Плэй бой», «Луи», «Юнеско»,
Пусть так! «А суивр», «Фото», «Биба»,
Пусть так! чернобыльцы в «Неделе»,
Пусть так! Сорокин в «Монде», «Элле»,
Пусть так! «Премьер», «Минют», «Зюйд-Вест»,
Пусть так! «Ле Фигаро», «Экспресс»,
Пусть так! «Экип», «Эко Саванны»,
Пусть так! «Мюзик», «Либерасьон»,
Пусть так! «Виталь», «Эдокасьон»,
Пусть так! «Эко» (но не саванны)...
Пусть так! Пусть так! «Гудок» и «Труд».
Пусть так! Пусть так! Не перетрут.

Теперь вот я скажу, не Тютчев,
не Фет, не царь и не герой:
страницами на всякий случай,
на всякий, стало быть — любой:
на случай первого свиданья,
на случай позднего прощанья -
как хочешь, это назови,
но только помни, топ ами:
давным-давно, беды не зная,
на полдороги Mouzaïa
жила старинная семья,
а где сейчас живёт — не знаю...
Увидишь девочку мою -
скажи, что я её люблю.

Скажи! Как Розанов у церкви,
Скажи! я вижу далеко:
Скажи! Ян Дьюри энд хиз блэкфитс,

Скажи! Мадонна, Митсуко,
Скажи! Би-фифти ту, Бэд Мэннерс,
Скажи! Секс Пистолс, Диво, Мэднесс,
Скажи! Клэш, Рэймонс, Карс, Полис,
Скажи! Лу Рид, Красс, Блонди, Скуисс,
Скажи! Рэно — не Элис Купер,
Скажи! Матт Бьянко, Токинг Хэдз,
Скажи! «Sid Vicious isn't dead!»
Скажи! и Кеннеди не умер...
Скажи! Скажи! «Я меломан».
Скажи! Скажи! Дюран Дюран.

В краю дюшановской Джоконды
нам жить, известно ведь, не век...
Нас лечит ядом анаконды
какой-то старый туарег...
SILENTIUM на суахили,
по улицам слона водили,
свистела пленная змея,
но так рекла сыра-земля :
«Стоит на севере в печали
одна далёкая сосна...
Налить, что ль, красного вина
за полдороги и так дале?...»
Ей отвечала тень ветвей
над бедным мной : «Ну, что ль, налей...»

Вина! Как в Кондробумпроме,
Вина! я — Сясьский ЦБК.
Вина! Мордва, якуты, коми,
Вина! + весь состав ЦК,
Вина! корейцы, ифугао,
Вина! французы, мяо, яо,

Вина! ацтеки, лопари,
Вина! туземцы, дикари,
Вина! минангкабау, тараски,
Вина! алаколуф, бобо,
Вина! фанг, русские, гого,
Вина! бушмены, кхмеры, баски...
Вина! Вина! Я сикх. Ты сикх?
Вина! Вина! Кто псих? Я псих?!

Сказать по совести, Никита,
полжизни пройдено уже,
но многое ещё сокрыто
на полдороги в мираже...
Я видел сон : в туманном свете
мы все дремали на лафете,
и ты, беспечной веры полн,
ты, кормщик, спал и видел сон,
как вышел месяц из тумана,
и как нас много на челне,
и как тебя пою во сне
с одной из барж-я-караванов,
плывя в надзвёздные края...
Земля, Никита Фельксч, земля!

Земля! Как мне сурок — Бегховен,
Земля! так я тебе — сурок.
Земля! Кит, Ящерица, Овен,
Земля! Конь, Лев, Единорог,
Земля! Корона, Треугольник,
Земля! запомнит каждый школьник :
Земля! Лисичка, Рак, Жираф,
Земля! Рысь, Ворон, Пёс, Журавль,

Земля! Медведица большая,
Земля! Кентавр, Скорпион,
Земля! Дельфин, Телец, Дракон,
Земля! Медведица меньшая...
Земля! Земля! Пегас, Насос.
Земля! В чём дело-с? Ничего-с.

Никит, я очень очень знаю
как просто просто уезжать,
о чём тебе и лепетаю,
о чём и всем хочу сказать,
на голос, шуму вод подобный,
переложив мотив свободный :
«Друзья, давайте все умрём...»
Давай. Но мы с тобой живём,
на полдороги под чинарой
располагаясь на ночлег...
Пусть слаб и жалок человек,
но всё ему даётся даром :
винцо в груди, и в жажде — весть :
Бог есть, Никита Фельксч, Бог есть.

Бог есть! Как Бархударов — корень,
Бог есть! твержу, что твой Крючков :
Бог есть! что, либо, нибудь, кое,
Бог есть! значение основ,
Бог есть! состав инфинитива,
Бог есть! ва, ова, ива, ыва,
Бог есть! уж, замуж, невтерпёж.
Бог есть! Толку? Толчёшь. Тку? Ткёшь.
Бог есть! Зависеть, гнать, увидеть,
Бог есть! услышать и вертеть,

Бог есть! не обижать, терпеть,
Бог есть! уж лучше ненавидеть...
Бог есть! Бог есть! Смотреть, держать.
Бог есть! Бог есть! Дышать? Дышать.

1986

Маргиналии

РОЗА ЯКОВА

(маргиналии к
Танаху)

Памяти Я.А. Сатуновского

וילכו מאתו בשלום: ³² ויהי ביום ההוא ויבאו עברי
 יצחק ויגדו לו על-אדות הבאר אשר חפרו ויאמרו לו
 מצאנו מים: ³³ ויקרא אתה שבעה על-כן שם העיר
 באר שבע עד היום הזה: ם ³⁴ ויהי עשו
 בן-ארבעים שנה וינח אשה את-הורית בת-בארי
 החתי ואת-בשמת בת-אילן החתי: ³⁵ ותהינה מרת
 רוח ליצחק ולרבקה: ם

כז ויהי כיוון יצחק ותהינה עיניו מראת ויקרא את-
 עשו ו בנו הגדל ויאמר אליו בני ויאמר אליו הנני:
² ויאמר הנה-נא זקנתי לא ידעתי יום מותי: ³ ועתה
 שא-נא כליד תליך וקשתיך וצא השדה וצורה לי
 צידה ציד קרי: ⁴ ועשה-לי מטעמים כאשר אהבתי
 והביאה לי ואכלה בעבור חכרכך נפשי בטרם אמות:
⁵ ורבקה שמעת בדבר יצחק אל-עשו בנו וילך עשו
 השדה לצור ציד להביא: ⁶ ורבקה אמרה אלי-עקב
 בנה לאמר הנה שמעתו את-אביך מדבר אל-עשו
 אחיד לאמר: ⁷ הביאה לי ציד ועשה-לי מטעמים
 ואכלה ואכרנכה לפני יהוה לפני מותי: ⁸ ועתה בני
 שמע בקלי לאשר אני מצוה אתך: ⁹ לך-נא אל-הצאן
 וקח-לי משם שני גדיי עזים טבים ואעשה אתם
 מטעמים לאביך כאשר אהב: ¹⁰ והבאת לאביך ואכל

Потому что ссылка на Талмуд,
 в Талмуде — на Мишну,
 в Мишне — на Тору,
 Тору и масору,

предки в Вятке,
 что заплатка на заплатке:
 дырки да монатки,
 нитки да убытки.

С Храмовой горы до Чернобыли,
 с Чернобыли до Москвы,
 от Москвы до самых до окраин,

дуй ли, вей ли,
 только «ойли» да «вавоили»,
 Брири да Шабрири
 Рабиновича накрыли.

Кац,
 не Кац, так Сац,
 не Сац, так Минц,
 не Минц, так Соловейчик,

Масора — традиция.

Ойли вавойли — нечто среднее между «о-е-ей» и «увы мне».

Брири и *Шабрири* — имена демонов. Путём особого прочтения их имён составлялись заговоры от лихорадки (см., например, «Последний чёрт» И. Зингера).

1. *Мандельштам О.* «Я скажу тебе с последней прямойтой...»

из галута
возвращается народ
по полю Куликову,
не найти другого
мне такого
дорогого и родного :
горбоносец он,
черноволосец
+ певец
+ богоносец
(как заметил Достоевский),

то есть :

Блантер, Баснер,
Исаковский, Матусовский,
Дунаевский, Мулерман, Хелемский,
кто последний?

И действительно,
от десяти (включительно) до п,
от п (включительно)
до шестисот пятидесяти тысяч,

Доня Броня,

мы другой такой

לו ויאכל ויבא לו גון וישת: 26 ויאמר אליו יצחק
אביו גשה נא וישקה לי בני: 27 וינש וישק לו וירח
את ריח בגדיו ויברכהו ויאמר ראה ריח בני פריח
שדה אשר ברכו יהוה: 28 ויתולקד האלהים מפל
השמים ומשמני הארץ ורכ דגן ותירש: 29 ועבדוד
עמים וישתחו וישתחו קרי' לך לאמים הוה גביל
לאחיד וישתחו לך בני אפוד ארדיד ארור ומברכדי
ברוד: 30 ויהי כאשר בלה יצחק לכה את יעקב ויהי
אך יצא יצא יעקב מאת בני יצחק אביו ועשו אחיו
בא מצידו: 31 ויעש גמיהוא ממעמים ויבא לאביו
ויאמר לאביו יקם אבי ויאכל מציד בנו בעבר תברכני
נפשך: 32 ויאמר לו יצחק אביו מיהתה ויאמר אני
בנוך בך עשו: 33 ויתרד יצחק חרדה גדלה עד מאד
ויאמר מיהאפוא הוא הצד ציד ויבא לי ואכל מכל
במרים תבוא ואברכהו גם כן ברוד יהיה: 34 בשמע עשו
את דברי אביו ויצעק צעקה גדלה ומרה עד מאד
ויאמר לאביו ברכני גם אני אבי: 35 ויאמר בן אחיד
במרים ויקח ברכתך: 36 ויאמר הכי קרא שמו יעקב
ויעקבני זה פעמים את ברכתי לקח והנה עתה לקח

Галут — плен, рабство.

Десять — минимальное число, предпочтительное для коллективной молитвы («миньян»).

650000 — еврейское население Палестины по переписи 1949 г. На Синае Тору получили 600000 человек, и с тех пор это число считается минимальным и достаточным, чтобы еврей назывался народом.

בעֲבַר אֲשֶׁר יִבְרַכְךָ לִפְנֵי מוֹתוֹ: 11 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב אֶל־
 רַבְקָה אִמּוֹ הֲנִי עֹשֶׂה אֶחָי אִישׁ שְׂעִיר וְאֲנֹכִי אִישׁ חֶלֶק:
 12 אֹלֵי יִמְשֹׁנֵי אָבִי וְהָיִיתִי בְּעֵינָיו כְּמִתְעַתֵּעַ וְהִכַּאתִי
 עָלַי קִלְלָה וְלֹא בִרְכָה: 13 וַתֹּאמֶר לוֹ אִמּוֹ עָלַי קִלְלָתְךָ
 בְּנֵי אֵד שָׁמַע בְּקוֹלִי וְלֹד קַח־לִי: 14 וַיִּלְדָּ וַיִּגָּח וַיָּבֵא
 לְאִמּוֹ וַחֲעֹשׂ אִמּוֹ כְּמַטְעָמִים כַּאֲשֶׁר אָדָּב אָבִיו: 15 וַחֲקַח
 רַבְקָה אֶת־בְּנָדֶי עֹשֶׂה הַגֹּדֵל הַחֲמֹדֹת אֲשֶׁר אִתָּהּ
 כַּבֵּית וַחֲלַבֵּשׂ אֶת־יַעֲקֹב בְּגַה הַקָּפוֹן: 16 וְאַחַ עֵרַת גְּדֵי
 הָעֹשִׂים הַלְּבִישָׁה עַל־יָדָיו וְעַל חֶלְקֵת צִוְּאוּרָיו: 17 וַתַּחֲן
 אֶת־הַמַּטְעָמִים וְאֶת־הַלֶּחֶם אֲשֶׁר עִשְׂתָּה בְּיַד יַעֲקֹב
 בְּגַה: 18 וַיָּבֵא אֶל־אָבִיו וַיֹּאמֶר אָבִי וַיֹּאמֶר הֲנִי כִי
 אִתָּה בְּנֵי: 19 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב אֶל־אָבִיו אֲנֹכִי עֹשֶׂה בְּכֹד
 עֲשִׂיתִי כַּאֲשֶׁר דִּבַּרְתָּ אֵלַי קוּם־נָא שָׁבָה וְאֶכְלֶה מִצִּידִי
 כַּעֲבוּר תִּבְרַכְנִי נְפִשְׁדִּי: 20 וַיֹּאמֶר יַחֲזֵק אֶל־בְּנֹו מִדֶּגֶה
 מִתְּרַת לְמִצְרָא בְּנֵי וַיֹּאמֶר כִּי הִקְרָה יְהוָה אֱלֹהֶיךָ לִפְנֵי:
 21 וַיֹּאמֶר יַחֲזֵק אֶל־יַעֲקֹב גִּשְׁה־נָא וְאַמְשֹׁךְ בְּנֵי הָאִתָּהּ
 זֶה בְּנֵי עֹשֶׂה אִם־לֹא: 22 וַיִּגַּשׂ יַעֲקֹב אֶל־יַחֲזֵק אָבִיו
 וַיִּמְשְׁהוּ וַיֹּאמֶר הִקַּל קוֹל יַעֲקֹב וְהִזְרִים יָדָי עֹשֶׂה: 23 וְלֹא
 הִכִּירוּ כִּי־הָיוּ יָדָיו בְּיָדָי עֹשֶׂה אֶחָיו שְׂעִירֹת וַיִּבְרַכְהוּ:
 24 וַיֹּאמֶר אִתָּה זֶה בְּנֵי עֹשֶׂה וַיֹּאמֶר אָנִי: 25 וַיֹּאמֶר
 הַגִּשְׁה לִי וְאֶכְלֶה מִצִּיד בְּנֵי לְמַעַן תִּבְרַכְךָ נְפִשִׁי וַיִּגַּשׂ

страны не знаем,
 кроме
 бэйс Исроэль
 на Ционе.

Брейся! Стройся!

Амалек
 сидит на Амалеке,
 Амалеком погоняет,

дядя Зяма,

только в Эрец
 ты проходишь человеком
 как хозяин
 родины своей
 от края и до края.

От Адама к Ноаху,
 от Ноаха к Эсаву,
 от Эсава к Якову

в они лета
 по наследству
 перешли одежды света
 (от медведя на велосипеде)¹,

Амалек — вождь амалекитян, народа, враждебного Израилю (Исх. 17.8).

«Эрец ха-Кодеш» — Святая Земля.

Существует комментарий, предлагающий понимать «одежды кожаные» как «одежды света» (по сходству звучания, но не написания). Передававшиеся от Адама из поколения в поколение, они-то и были той «богатой одеждой», в которую Ревекка одела Иакова и по которой Исаак принял его за Исава (Быт.3.21., Быт.27.15).

1. Чуковский К. Тараканище

и с тех пор, точней
с Шимона бар-Йохая, нет,
с Ицхака Лурии,
с Баал Шем-Това,
с Альтер Ребе

мы (в известном смысле)
искры
раздуваем,
возжигаем
пламя
жертвы
за Ерушалаим
из руд сибирских¹.

И пока
в почтовом ящике
одна нога,
другая на
арбузной корке,
слышите,
Любимов, Гробман,
наш
любимый город
может спать
спокойно,
видеть сны
и зеленеть
среди весны.

1. Пушкин А. «Во глубине сибирских руд...»

בֵּיתָה כְּתוּבָל אֲבִי אֲמַד וְקַח־לֶךְ מִשֵּׁם אִשָּׁה מִבְּנוֹת
לְכוּ אִתִּי אֲמַד: 3 וְאֵל שְׂדֵי יִבְרָד אֲתָד וְיִפְרֹד וְיִפְרֹד
וְהֵייתָ לְקַהֵל עַפְּיִם: 4 וְיִתְחַלֵּף אֶת־כִּרְפַת אֲבָרְהָם
לֶדָּ וְלִזְרַעוֹ אֲתָד לְרִשְׁתּוֹ אֶת־אֶרֶץ מִגְדֵּד אִשְׁרָי
נָתַן אֱלֹהִים לְאַבְרָהָם: 5 וְיִשְׁלַח יִצְחָק אֶת־יַעֲקֹב וַיֵּלֶד
פְּדֻנָּה אִמָּם אֶל־לֶבֶן בְּדִבְתוּבָל הָאָרֶץ אֲחִי רַב־קָה
אִם יַעֲקֹב וַעֲשׂו: 6 וַיֵּרָא עֲשׂו כִּי־בָרַךְ יִצְחָק אֶת־
יַעֲקֹב וְשִׁלַּח אֹתוֹ פְּדֻנָּה אִמָּם לְקַח־לָהּ מִשֵּׁם אִשָּׁה
בְּכִרְכוּ אֹתוֹ וַיְצַו עָלָיו לֵאמֹר לֹא־תִקַּח אִשָּׁה מִבְּנוֹת
כְּנָעַן: 7 וַיִּשְׁמַע יַעֲקֹב אֶל־אָבִיו וְאֶל־אִמּוֹ וַיֵּלֶד פְּדֻנָּה
אִמָּם: 8 וַיֵּרָא עֲשׂו כִּי רָעוֹת בְּנוֹת כְּנָעַן כְּעֵינֵי יִצְחָק
אָבִיו: 9 וַיֵּלֶד עֲשׂו אֶל־יִשְׁמַעֵאל וַיִּקַּח אֶת־מַחֲלַת
בַּת־יִשְׁמַעֵאל בְּנֵי־אֲבָרְהָם אֲחֹת וְנָכוֹת עַל־נַשְׂיֹו לֹו
לְאִשָּׁה: 10 וַיֵּצֵא יַעֲקֹב מִבְּאֵר שֶׁבַע
וַיֵּלֶד תְּרֵנָה: 11 וַיִּפְגַּע בְּמָקוֹם וַיִּלְוֶן שָׁם כִּי־בָא הַשְּׂמֵשׁ
וַיִּקַּח מֵאֲבְנֵי הַמָּקוֹם וַיִּשֶׂם מִרְאֲשֵׁתָיו וַיִּשְׁכַּב בְּמָקוֹם
הַהוּא: 12 וַיַּחֲלֵם וְהִנֵּה סֹלֶם מֵצַב אֶרֶצָה וְרֵאשׁוֹ מִנְּעֵי
הַשָּׁמַיְמָה וְהִנֵּה מַלְאָכֵי אֱלֹהִים עֲלִים וַיְרִידִים בּוֹ:
13 וְהִנֵּה יְהוָה נֹצֵב עָלָיו וַיֹּאמֶר אֲנִי יְהוָה אֱלֹהֵי אֲבָרְהָם
אָבִיד וְאַלְהֵי יִצְחָק הָאָרֶץ אִשְׁרָי אֲתָהּ שֹׁכֵב עָלֶיהָ לֶדָּ
אֲתַנְנֶה וְלִזְרַעֲדָ: 14 וְהִנֵּה זֶרְעֲךָ בְּעַפְרַי הָאָרֶץ וּפְרַצְתָּ
יָמָה וְקִרְמָה וְצִפְנָה וְנִגְבָּה וְנִבְרָ כִּי בָרַךְ כָּל־מִשְׁפָּחֹת
הָאָדָמָה וּבְזֹרְעֵדָ: 15 וְהִנֵּה אֲנִי עֹפֵד וְשִׁמְרֵתִידָ כְּכֹל
אִשְׁר־תֵּלֶד וְהִשְׁבַּתִּידָ אֶל־הָאָדָמָה הַזֹּאת כִּי לֹא אֶעֱזָבִידָ

Шимон бар-Йохай — легендарный автор книги «Зохар», важнейшего каббалистического произведения.

Ицхак Лурия — каббалист 16 в.

Баал Шем-Тов — основатель хасидизма 18 в.

Альтер Ребе — рабби Шнеур-Залман из Ляды, основоположник хасидского учения «Хабад» 18 в.м

בְּרַכְתּוֹ וַיֹּאמֶר הֲלֹא־אֶצְלַתְ לִי בְּרַכָּה: 37 וַיֵּעַן יִצְחָק
 וַיֹּאמֶר לַעֲשׂוֹ הֵן גְּבִיר שְׁמַתּוֹ לְךָ וְאֵת־כָּל־אֹהֳיוֹ נִתְחַי
 לוֹ לַעֲבָדִים וְדָגַן וְחִירָשׁ סִמְכַתּוֹ וְלִכְּה אֵפוֹא מֵה
 אֲעִשֶׂה בְּנִי: 38 וַיֹּאמֶר עֲשׂו אֶל־אֲבִיו הַבְּרָכָה אַחַת
 הוּא־לְךָ אֲבִי בְּרַכְנִי נִם־טָנִי אֲבִי וַיִּשָּׂא עֵשָׂו קִלּוֹ וַיִּכְדֶּה:
 39 וַיֵּעַן יִצְחָק אֲבִיו וַיֹּאמֶר אֲלָיו הֲנֵה מִשְׁמַנֵּי הָאָרֶץ
 יִהְיֶה מוֹשְׁבֶךָ וּמִמַּלְּ הַשָּׁמַיִם מַעַל: 40 וְעַל־חֶרְפֶּךָ תִּחְיֶה
 וְאֵת־אֶחֶיד תַּעֲבֹד וְהָיָה כַּאֲשֶׁר תִּרְדִּי וּפְרַקְתָּ עָלָי מַעַל
 צוֹאֲרֶךְ: 41 וַיִּשְׁטֹם עֵשָׂו אֶת־יַעֲקֹב עַל־הַבְּרָכָה אֲשֶׁר
 בְּרַכּוֹ אֲבִיו וַיֹּאמֶר עֲשׂו בְּלָבוֹ יִקְרְבוּ יָמַי אֲכַל אֲבִי
 וְאֶהְרֶגָה אֶת־יַעֲקֹב אֹהֳיוֹ: 42 וַיִּגְדֶּה לְדַבְּרָהּ אֶת־דְּבָרָיו
 עֲשׂו בְּנֵה הַגְּדֹל וְתִשְׁלַח וְתִקְרָא לְיַעֲקֹב בְּנֵה הַקָּטָן
 וְתֹאמֶר אֲלָיו הִנֵּה עֲשׂו אֶחֶיד מִתַּנְחֵם לְךָ לְהִרְגֶךָ:
 43 וְעַתָּה בְּנִי שְׁמַע בְּקוֹלִי וְקוּם בְּרַח־לְךָ אֶל־לָבֶן אֹהֳיוֹ
 חֲרָנָה: 44 וַיִּשְׁכַּת עִמּוֹ יָמִים אַחֲדִים עַד אֲשֶׁר־תָּשׁוּב
 חֶמֶת אֶחָד: 45 עַד־שׁוּב אֶף־אֶחָד מִפּוֹד וְשָׁכַח אֶת
 אֲשֶׁר־עָשִׂיתָ לוֹ וְשָׁלַחְתִּי וְלִקְחָתִּיךָ מוֹשֵׁם לָמָּה אֲשַׁבֵּל
 גַּם־שִׁנְיָכֶם יוֹם אֶחָד: 46 וְתֹאמֶר רַבָּה אֶל־יִצְחָק קִצְתִּי
 כִּחַי מִפְּנֵי בְּנוֹת חַת אִם־לִקְחָ לְעַקֵּב אִשָּׁה מִבְּנוֹת־חַת
 כְּאֵלֶּה מִבְּנוֹת הָאָרֶץ לָמָּה לִּי חַיִּים:

כח ויקרא יצחק אליעקב ויכרך אתו ויגדלו ויאמר
 לו לא חקח אשה מבנות בניען: 2 קום לך פדנה ארם

Там где-то

ночь как ночь,
 фонарь под глазом,
 как фонарь,
 аптека, как аптека¹,

гор вершины
 спят во тьме ночной,
 долины полны
 свежей мглой²,
 как полны
 тихие долины,

тише!

шорохи в саду,
 а то — молчок,
 речка то течёт,
 то не течёт,
 песня то слышна,
 то не слышна
 на аравите —

нет, приятель :

это над Москвой-рекой
 из лунного сребра,
 седой, но молодой,

«Аравит» — арабский язык.

1. Блок А. «Ночь, улица, фонарь, аптека...»
 2. Лермонтов М. Из Гёте

Соловьёв-Седой
струится до утра,
как струится
Соловьёв-Седой.

Ты не бойсь, не плачь,
мой Лебедев-Кумач :
где-то
бэйс мидраш
стоит,
в нём Меламид,
а в нём
и вся загвоздка.

Фельцман с Фельдманом
её долбили — не разбили,
Френкель и Бернес
вообще не проходили,
только Гофф с Кобзоном
пели-называли
полем,
русским полем.

Как же так же?
Жид ты или ты не жид?
Ты пан или пропан-бутан?
Вот то-то и оно-то :

הִדַּעְתֶּם אֶת־לִבְּנֵי בְּנֵי־חֹר וַיֹּאמְרוּ יָדַעְנוּ: 6 וַיֹּאמֶר
לָהֶם הַשְּׁלוֹם לֹא וַיֹּאמְרוּ שְׁלוֹם וְהִנֵּה רָחֵל בָּתוּם בָּאָה
עִם־הַצֹּאן: 7 וַיֹּאמֶר הֵן עוֹד הַיּוֹם גְּדוּל לֹא־עַתָּה הֶאֱסַף
הַמִּקְנֵה הַשְּׂקוּ הַצֹּאן וְלָכוּ רַעֲוֹ: 8 וַיֹּאמְרוּ לֹא נוּכַל עוֹד
אֲשֶׁר יֵאָסְפוּ כָּל־הָעֲדוּיִים וְנִלְלָ אֶת־הָאָבִן מֵעַל פִּי
הַבָּאָר וְהַשְּׂקִינוּ הַצֹּאן: 9 עוֹדְנוּ כְּדַבֵּר עִמָּם וְרָחֵל ו
בָּאָה עִם־הַצֹּאן אֲשֶׁר לְאֵבִיהָ כִּי רָעָה הוּא: 10 וַיְהִי
כַּאֲשֶׁר רָאָה יַעֲקֹב אֶת־רָחֵל בַּת־לָבָן אֶחָי אִמּוֹ וְאֶת־
צֹאן לָבָן אֶחָי אִמּוֹ וַיֵּגֶשׁ יַעֲקֹב וַיִּגַּל אֶת־הָאָבִן מֵעַל
פִּי הַבָּאָר וַיִּשֶׁק אֶת־צֹאן לָבָן אֶחָי אִמּוֹ: 11 וַיִּשֶׁק יַעֲקֹב
לְרָחֵל וַיֵּשֶׂא אֶת־קִלְוֹ וַיִּבְדֶּה: 12 וַיִּגַּד יַעֲקֹב לְרָחֵל כִּי אֶחָי
אֵבִיהָ הוּא וְכִי בְּדִרְבָּקָה הוּא וְתַרְזַן וְתַגְדֵּי לְאֵבִיהָ:
13 וַיְהִי כַשְּׂמֹעַ לָבָן אֶת־שְׂמֹעַ יַעֲקֹב בְּדִאֲחֹתוֹ וַיִּרְץ
לִקְרָאתוֹ וַיַּחֲבֹקֵהוּ וַיִּנְשָׁקֵהוּ וַיְבִיֵאֵהוּ אֶל־בֵּיתוֹ וַיִּסְפָּר
לְלָבָן אֵת כָּל־הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה: 14 וַיֹּאמֶר לוֹ לָבָן אַךְ
עַצְמִי וּבְשָׂרִי אֲתָה וַיֵּשֶׁב עִמּוֹ חֹדֶשׁ יָמִים: 15 וַיֹּאמֶר לָבָן
לְיַעֲקֹב הֲכִיר־אֶחָי אֲתָה וְשָׂכַדְתָּנִי חֲנֹם הַגִּידָה לִּי מַה־
מִשְׁכַּרְתְּךָ: 16 וּלְלָבָן שְׁתֵּי כְּנֹת שֵׁם הַגְּדֹלָה לְאֵה וְשֵׁם
הַקְּטָנָה רָחֵל: 17 וַעֲיִנִי לְאֵה רַבּוֹת וְרָחֵל הֵיחָה יִפְת־
הָאָדָם וַיִּפְתַּ מְרָאָה: 18 וַיֹּאדֶב יַעֲקֹב אֶת־רָחֵל וַיֹּאמֶר
אֶעֱבֹדְךָ שִׁבְעַ שָׁנִים בְּרָחֵל בַּתְּךָ הַקְּטָנָה: 19 וַיֹּאמֶר
לָבָן מִיֹּב תַחֲתִי אֲתָה לֵךְ מִתַּחֲתִי אֲתָה לְאִישׁ אַחֵר שְׂכָרָה
עִמּוֹ: 20 וַיַּעֲבֹד יַעֲקֹב בְּרָחֵל שִׁבְעַ שָׁנִים וַיְהִי כַעֲיִנֹו

Бэйс мидраш — религиозная школа, синагога.

Фамилия художника А. Меламида, эмигрировавшего в 70-е г.г. в Израиль и проживающего ныне в США, происходит (как и многие фамилии этого корня) от еврейского слова «меламед», т.е. учитель.

עד אשר אם עשיתי את אשר דברתי לך: 16 ויִקַּץ
 יַעֲקֹב מִשְׁנָתוֹ וַיֹּאמֶר אֲכֹל יֵשׁ יְהוָה בְּמָקוֹם הַזֶּה וְאֲנֹכִי
 לֹא יָדַעְתִּי: 17 וַיִּרְא וַיֹּאמֶר מִה־זוֹרֵא הַמָּקוֹם הַזֶּה אֵין
 זֶה כִּי אִם־בֵּית אֱלֹהִים וְזֶה שַׁעַר הַשָּׁמַיִם: 18 וַיִּשְׁכַּם
 יַעֲקֹב כַּבְּקָר וַיִּקַּח אֶת־הָאֶבֶן אֲשֶׁר־שָׁם מִרְאשֵׁתָיו וַיִּשֶׂם
 אֹתוֹ מַצְבֵּה וַיִּזְקַק שִׁמֹן עַל־רֹאשָׁה: 19 וַיִּקְרָא אֶת־שֵׁם־
 הַמָּקוֹם הַהוּא בֵּית־אֵל וְאוּלַם לֹז שֵׁם־הָעִיר לְרֵאשִׁינָה:
 20 וַיִּדַּד יַעֲקֹב גֵּדָד לֵאמֹר אִם־יְהִיֶּה אֱלֹהִים עִמּוֹי
 וְשָׁמְרֵנִי בַדֶּרֶךְ הַזֶּה אֲשֶׁר אָנֹכִי הוֹלֵךְ וְנִתְּנִי לֶחֶם
 לְאֹכַל וְגִבְרַת לְלִבְשִׁי: 21 וְשָׁכַחְתִּי בְשָׁלוֹם אֶל־בֵּית אָבִי
 וְהָיָה יְהוָה לִי לְאֱלֹהִים: 22 וְהָאֶבֶן הַזֹּאת אֲשֶׁר־שָׁמְתִי
 מַצְבֵּה יְהוָה בֵּית אֱלֹהִים וְכֹל אֲשֶׁר חָתַן־לִי עֹשֶׂה
 אֲעִשְׂרֶנּוּ לְךָ:

כִּמוֹ וַיִּשָּׂא יַעֲקֹב רִגְלָיו וַיִּלָּךְ אֶרְצָה כְּנִי־קָדָם: 2 וַיִּרְא
 וְהָיָה כְּאִר בְּשָׂדֵה וְהָיָה־שָׁם שְׁלֵשָׁה עֹדְרֵי־צֹאן רֹכְצִים
 עֲלֶיהָ בִּי מִן־הַבָּאָר הַהוּא יִשְׁקִי הָעֹדְרִים וְהָאֶבֶן גְּדֻלָּה
 עַל־פִּי הַבָּאָר: 3 וְנֹאסְפוֹ־שָׁמָּה כָּל־הָעֹדְרִים וְגִלְלוּ אֶת־
 הָאֶבֶן מֵעַל פִּי הַבָּאָר וְהִשְׁקוּ אֶת־הַצֹּאן וְהִשִּׁיבוּ אֶת־
 הָאֶבֶן עַל־פִּי הַבָּאָר לְמַקְמָה: 4 וַיֹּאמֶר לָהֶם יַעֲקֹב
 אֲחֵי מֵאֵין אַתֶּם וַיֹּאמְרוּ מִחֶרֶן אֲנַחְנוּ: 5 וַיֹּאמֶר לָהֶם

я с Неглинной,
 пахну псиной,
 взгляд стеклянный,
 череп деревянный,
 но скажи мне,
 ветка Палестины¹,

что же всё же?
 Где же ты росла?
 Где ты цвела,
 и как дела там,
 где цвела ты?

Вспомни,

как явился Якову
 на гар Мориа
 небесный эскалатор
 с Метатроном
 во главе
 и Пантократор
 сил и воинств,

то есть :

Согласно комментаторской традиции, Иаков видел свой сон о восходящих и нисходящих ангелах на горе Мориа (гар Мориа), где Авраам приносил в жертву Исаака и где впоследствии был построен храм.

Метатрон — ангел, занимающий, как говорится в Талмуде и Агаде, особое положение среди прочих ангелов и находящийся в непосредственной близости к Богу.

1. *Лермонтов М.* Ветка Палестины.

Серафимов
+ Крувимов
+ Бней Элоким
+ Побратимов,
иже с ними.

Опиши,
как Яаков
(Сухотин)
строил
шалашы
(суккот),
изобрази мне,
как напротив
он построил
Зимний.

Меж Лаваном
и Эдомом,
между двух огней,
белогвардейским
и красноармейским,

над Явоком

спой,
будь другом,

ל ותרא רחל כי לא ילדה ליעקב ותקנא רחל באחיה
והאמר אלי יעקב הבה לי בנים ואסאין מנה אנכי:
2 ויחראף יעקב ברחל ויאמר התחת אלהים אנכי
אשר מנע ממך פרי בטן: 3 והאמר הנה אמותי בלטה
בא אליה וחלד על פרפי ואבנה גם אנכי ממנה:
4 ותתן לה את בלטה שפחתה לאשה ויבא אליה
יעקב: 5 ותהר בלטה ותלד ליעקב בן: 6 והאמר רחל
הנני אלהים וגם שמע בקלי ותתן לי בן על-כן קראה
שמו הן: 7 ותהר עוד ותלד בלטה שפחת רחל בן שני
ליעקב: 8 והאמר רחל נפתולי אלהים ונפתלתי עם
אחתי גם-זבלתי והקרא שמו נפתלי: 9 ותרא לאה כי
עמדה מלדת ותקח את זלפה שפחתה ותתן אותה
ליעקב לאשה: 10 ותלד זלפה שפחת לאה ליעקב
בן: 11 והאמר לאה בנגד בא נד קרי והקרא את
שמו נד: 12 ותלד זלפה שפחת לאה בן שני ליעקב:
13 והאמר לאה באשרי כי אשרוני בנות והקרא את
שמו אשר: 14 וילד ראובן בימי קציר-הטים וימצא
דודאים בשדה ויבא אתם אל-לאה אמו והאמר
רחל אל-לאה תנינא לי מדודאי בנגד: 15 והאמר לה
המעט קחתך את-אשרי ולקחת גם את-דודאי בני
והאמר רחל לכן ישב עמך הלילה תחת דודאי בנגד:
16 ויבא יעקב מן-השדה בערב ותצא לאה לקראתו
והאמר אלי תבוא כי שכר שכרתיך בדודאי בני

Серафимы, крувимы, бней Элоким — ангельские чины.
Суккот — шалашы (Быт.33.17). Кроме того, одноименный
праздник был установлен в память скитания по пустыне после
Исхода из Египта.
«Шалашы — на лето, дом — на зиму» (комментарий Раши к
Быт.33.17).
Лаван — белый.

בַּיָּמִים אַחֲרָיִם בְּאַהֲבַתוֹ אֹתָהּ: 21 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב אֶל-לִבְנֵי
הַבָּה אֶת-אֲשֵׁמִי כִי מָלְאוּ יַמִּי וְאִבְרָאָה אֵלַיָּהּ: 22 וַיֹּאמֶר
לִבְנֵי אֶת-כָּל-אֲנָשֵׁי הַמָּקוֹם וַיַּעַשׂ מִשְׁתָּהּ: 23 וַיְהִי כַּעֲרֵב
וַיִּקַּח אֶת-לֵאָה בְּתוֹ וַיָּבֵא אֹתָהּ אֵלָיו וַיָּבֵא אֵלַיָּהּ:
24 וַיִּתֵּן לִבְנֵי לֵאָה אֶת-זֶלְפָּה שִׁפְחָתוֹ לְלֵאָה בְּתוֹ שִׁפְחָהּ:
25 וַיְהִי כַּבָּקָר וַהֲנִיחָהּוּא לֵאָה וַיֹּאמֶר אֶל-לִבְנֵי מַה-זֹּאת
עֲשִׂיתְ לִי הֲלֹא בְּרַחֵל עֲבַדְתִּי עֶפְדוֹ וְלָמָּה רַמִּיתִּנִּי:
26 וַיֹּאמֶר לִבְנֵי לֹא-יַעֲשֶׂה בֵּן בְּמִקְוָמֶנּוּ לְתַת הַצְעִירָה
לִפְנֵי הַבְּכִירָה: 27 מִלֵּא שָׂבַע זֹאת וַנְּחַנֶּה לָּךְ גַּם-
אֶת-זֹאת בְּעַבְדָּהּ אֲשֶׁר תַּעֲבֹד עִמּוֹי עוֹד שְׁבַע-שָׁנִים
אַחֲרָיוֹת: 28 וַיַּעַשׂ יַעֲקֹב כֵּן וַיִּמְלֵא שְׂבַע זֹאת וַיִּתֵּן
לוֹ אֶת-רַחֵל בְּתוֹ לוֹ לְאִשָּׁה: 29 וַיִּתֵּן לִבְנֵי לְרַחֵל בְּתוֹ
אֶת-בְּלִתָּהּ שִׁפְחָתוֹ לָהּ לְשִׁפְחָהּ: 30 וַיָּבֵא גַם אֶל-רַחֵל
וַיֹּאחֲזֵב גַּם-אֶת-רַחֵל מִלֵּאָה וַיַּעֲבֹד עִמּוֹ עוֹד שְׁבַע-שָׁנִים
אַחֲרָיוֹת: 31 וַיֵּרָא יְהוָה כִּי-שָׁנוּאָה לֵאָה וַיִּפְתַּח אֶת-
רַחֲמָהּ וַרְחַל עָקְרָהּ: 32 וַתְּהַר לְאָה וַתֵּלֶד בֶּן וַתִּקְרָא
שְׁמוֹ רְאוּבֵן כִּי אָמְרָה כִּי-רָאָה יְהוָה כְּעֵנְיִי כִי עָתָה
יֵאָהֲבֵנִי אִישׁ: 33 וַתְּהַר עוֹד וַתֵּלֶד בֶּן וַתֹּאמֶר כִּי-שָׁמַע
יְהוָה כִּי-שָׁנוּאָה אֹנְכִי וַיִּתֵּן-לִי גַם-אֶת-זֶה וַתִּקְרָא שְׁמוֹ
שִׁמְעוֹן: 34 וַתְּהַר עוֹד וַתֵּלֶד בֶּן וַתֹּאמֶר עָתָה הִפְעַם
יִלְוֶה אִישׁ אֵלַי כִּי-יִלְדְתִי לוֹ שְׁלֹשָׁה בָנִים עַל-בֶּן קָרָא
שְׁמוֹ לֵוִי: 35 וַתְּהַר עוֹד וַתֵּלֶד בֶּן וַתֹּאמֶר הִפְעַם אֹדְרָה
אֶת-יְהוָה עַל-בֶּן קָרָאָה שְׁמוֹ יְהוּדָה וַתַּעֲמֹד מִלְּדַת:

как с Яаковом
состязался кто-то
(носорог, должно быть,
упирался рогом
над Явоком).

Доложи затем,
как широка
была река :
как Ока ли
широка она была
или не как Ока?

Ах, эти реки! Эти реки,

где роза Яакова чахла,
где сладко керосином пахло...¹
О, Ассирийская АССР,
тебе в Эстер
открылся Некто
(кот, наверно,
задом наперед
заехал и уехал).²

А и Б
сидели на трубе.
Не бэ,
что А упало,

Эдом (Едом) — красный.

Быт.32.24.

Пс.136. («При реках Вавилона...»)

В названии книги Есфири : «Мэгилат Эстер» (т.е. Свиток Эстер) комментаторы видят второй, не прямой смысл : оно может быть прочтено как «Открытие сокрытого».

1. *Мандельштам О.* «Мы с тобой на кухне посидим...»

2. *Чуковский К.* Тараканище.

Б пропало :
нас не так уж мало.

На вокзале
обвалился потолок.
Будь спок,
но жми педали,
пока не дали.

Почему?
Да потому,
что всё кончается на У.
Обэриу!
Тону!
Но слышу
сквозь беруши

шаги Машиаха

(простите, Даня,
а киддуш уже читали?),

шаги Машиаха

(позвольте, Циля,
и в шофар уже трубили?),

шаги Машиаха

היום הָסֵר מִשָּׁם בְּלִישָׁה ! נִקְדַּ וְטָלוּא וְכָל־שֵׁה־חֹמֹם
בְּכַשְׁבִּים וְטָלוּא וְנִקְדַּ בְּעֵינַיִם וְהָיָה שְׂכָרִי: ³³ וְעִנְתָּהּ
כִּי צִדְקָתִי כְּיוֹם מָאֹד כִּי־תָבוֹא עַל־שְׂכָרִי לִפְנֵיךָ כָּל
אֲשֶׁר־אֵינֶנּוּ נִקְדַּ וְטָלוּא בְּעֵינַיִם וְחֹמֹם בְּכַשְׁבִּים גָּנוּב
הוּא אִתִּי: ³⁴ וַיֹּאמֶר לָכֵן הֵן לֹא יָהִי כִדְבָרְךָ: ³⁵ וַיִּסַּר
בַּיּוֹם הַהוּא אֶת־הַתְּלָשִׁים הַעֲקָרִים וְהַטְּלָאִים וְאֵחַ כָּל־
הַעֵינַיִם הַנִּקְדוֹת וְהַטְּלָאֹת כָּל אֲשֶׁר־לָכֹן זוֹ וְכָל־חֹמֹם
בְּכַשְׁבִּים וַיִּתֵּן כִּיד־בְּנֵי: ³⁶ וַיִּשֶׁם דְּרָד שְׁלֹשַׁת יָמִים
כִּינֹ וְכִין יַעֲקֹב וַיַּעֲקֹב רַעְיָה אֶת־צֶאֱן לָכֵן הַנּוֹתְרָת:
³⁷ וַיִּשְׁחֲלוּ יַעֲקֹב מִקַּל לִבָּהּ לֵחַ וְלוֹ וְעַרְמוֹן וַיִּפְצַל
כֹּהֵן פְּצִלוֹת לְבָנוֹת מַחֲשֵׁה הַלָּכֹן אֲשֶׁר עַל־הַפְּקֻלוֹת:
³⁸ וַיִּצַּג אֶת־הַפְּקֻלוֹת אֲשֶׁר פָּצַל בְּרֵהֲטִים בְּשִׁקְתוֹת
הַמַּיִם אֲשֶׁר תִּבְאֵן הַצֶּאֱן לְשִׁתוֹת לְנֹכַח הַצֶּאֱן וַיַּחֲמֵנָה
בְּבֵאֵן לְשִׁתוֹת: ³⁹ וַיַּחֲמוּ הַצֶּאֱן אֶל־הַפְּקֻלוֹת וַתִּלְדָּן
הַצֶּאֱן עֲקָדִים נִקְדִים וְטָלָאִים: ⁴⁰ וְהַכְּשָׁבִים הַפְּרִיד
יַעֲקֹב וַיִּתֵּן פְּנֵי הַצֶּאֱן אֶל־עֵקֶד וְכָל־חֹמֹם בְּצֶאֱן לָכֵן
וַיִּשְׁחֲלוּ עֲרִירִים לְבָדוֹ וְלֹא שָׁתֵם עַל־צֶאֱן לָכֵן: ⁴¹ וְהָיָה
בְּכָל־יַחַם הַצֶּאֱן הַמְקַשְׁרוֹת וְשֵׁם יַעֲקֹב אֶת־הַפְּקֻלוֹת
לְעֵינֵי הַצֶּאֱן בְּרֵהֲטִים לִיַּחֲמֵנָה בְּמַקְלוֹת: ⁴² וְכִהֲעֲטוּף
הַצֶּאֱן לֹא יִשִּׁים וְהָיָה הַעֲטָפִים לְלָכֹן וְהַקְּשָׁרִים לְיַעֲקֹב:
⁴³ וַיִּפְרָן הָאִישׁ מֵאֹד מֵאֹד וַיִּדְרִלוּ צֶאֱן רַבּוֹת וְשִׁפְחוֹת
וְעֲבָרִים וְגַמְלִים וְהַמְרִים:

Машиах — Мессия.

Киддуш — молитва, читаемая при освящении, обычно ею открывається праздник.

Шофар — духовой инструмент, изготовленный из особым образом обработанных бараньих, козлиных или оленьих рогов (только не коровьих, из-за ассоциации с золотым тельцом). Раньше в него трубили и на новомесячье, а теперь только на Новый год и с завершением молебна в День Всепрощения. В «шофар гадоль» (большой шофар) будут трубить, возвещая о пришествии Мессии.

וַיִּשְׁכַּב עִמָּה בַלַּיְלָה הַזֶּה: 17 וַיִּשְׁמַע אֱלֹהִים אֶל-לֵאָה וַתַּהַר וַתֵּלֶד לְיַעֲקֹב בֶּן חַמִּישׁ: 18 וְהֵאמֵר לֵאָה נָתַן אֱלֹהִים שְׂכָרִי אֲשֶׁר-נָתַתִּי שְׂפָחַתִּי לְאִישׁ וַתִּקְרָא שְׁמוֹ יִשְׁשַׁכָּר: 19 וַתַּהַר עוֹד לֵאָה וַתֵּלֶד בֶּן-שְׁשִׁי לְיַעֲקֹב: 20 וְהֵאמֵר לֵאָה וְכֹדְנִי אֱלֹהִים אֲתָּה יָבֵד טוֹב הַפְּעַם זָבַלְנִי אִישׁ כִּי-יָלַדְתִּי לוֹ שְׁשֵׁה כְּנִים וַתִּקְרָא אֶת-שְׁמוֹ זַבְלוֹן: 21 וְאַחַר יָלְדָה בֵּת וַתִּקְרָא אֶת-שְׁמָהּ דִּינָה: 22 וַיִּזְכֹּר אֱלֹהִים אֶת-דָּחַל וַיִּשְׁמַע אֱלֹהִים אֶת-קוֹלָהּ וַיִּפְתַּח אֶת-רַחֲמָיִם: 23 וַתַּהַר וַתֵּלֶד בֶּן וְהֵאמֵר אֶסָּף אֱלֹהִים אֶת-חֲרָפְתִּי: 24 וַתִּקְרָא אֶת-שְׁמוֹ יוֹסֵף לֵאמֹר יֹסֵף יִהְיֶה לִּי בֶן אַחֵר: 25 וַיְהִי כַּאֲשֶׁר יָלְדָה רַחֵל אֶת-יוֹסֵף וַיֵּאמֶר יַעֲקֹב אֶל-לֵבָן שְׁלַחְנִי וְאֶלְכָה אֶל-מִקְוֹמִי וְלֹא-רָצִי: 26 תָּנָה אֶת-נַשִּׁי וְאֶת-יְלָדֵי אֲשֶׁר עִבַדְתִּי אֶתְּךָ בָּהֶן וְאֶלְכָה כִּי אֲתָה יָדַעְתָּ אֶת-עַבְדְּתִי אֲשֶׁר עִבַדְתִּיךָ: 27 וַיֵּאמֶר אֵלָיו לָכֵן אִם-נָא מִצָּאתִי חֵן בְּעֵינֶיךָ נַחֲשָׁתִי וַיִּכְרַכְנִי יְהוָה בְּגִלְגָּד: 28 וַיֵּאמֶר נִקְבֵה שְׂכָרְךָ עָלַי וְאֲתָנָה: 29 וַיֵּאמֶר אֵלָיו אֲתָה יָדַעְתָּ אֵת אֲשֶׁר עִבַדְתִּיךָ וְאֵת אֲשֶׁר-רָדִיָּה מִקֶּדֶךָ אִתִּי: 30 כִּי מַעַט אֲשֶׁר-רָדִיָּה לְךָ לְפָנַי וַיִּפְרֹץ לְדָב וַיִּכְרַד יְהוָה אֶתְּךָ לְדוּגְלֵי וְעָתָה מָתִי אֲעִשֶׂה נִם-אֲנֹכִי לְבִיתִי: 31 וַיֵּאמֶר מַה אֶתְּוֹלָד וַיֵּאמֶר יַעֲקֹב לֹא-תִתְּוֹן לִי מֵאִמָּה אִם-תַּעֲשֶׂה-לִּי הַדָּבָר הַזֶּה אֲשׁוּבָה אֶרְעָה צֹאנֶךָ אֲשַׁמֵּר: 32 אֲעֹבֵד בְּכָל-צֹאנֶךָ

(скажи-ка, Сара, ведь недаром ты всё считала шаги Машиаха?).

Мы помним всё :
парижских улиц ад
и венецьянские прохлады,
революционный шаг,
архипелаг ГУЛАГ,
Майданек окаянный...

Где, где
Моше рабейну олавхашалом?
О горе!
Нет Шломо бен-Гавироля!

Еврейская земля,
ты за холмом,
а там
холмы,
холмы,
холмы,
холмы,
холмы
и нобелевский шнобель.

«Моше рабейну олавхашалом» — Моисей, учитель наш, мир праху его.

Шломо бен-Гавироль — поэт и философ 11 в.

1. Лермонтов М. Бородино.
2. Блок А. Скифы.
3. Блок А. Двенадцать.
4. Слово о полку Игореве.
5. Бродский И. Холмы.

И пру и рву -
ни тпру ни ну,
и гну и мну -
глаза полны песку.
Коллега, кстати,

нас что песку
в Баку на берегу,
что звёзд
над Гринвич-вилледж.
Слышите,
как плачет чибис :
«Чьи Вы?
Чьи Вы?
И куда,
куда
Вы удалились?»

Подержи мой макинтош, читатель.

О Судья судей,
Страж стражей,
Царь царей,
великий, сильный,
страшный!

В Судный День
елень,

גַּם-אֶכֹּל אֶת-פִּסְנֹי: 16 כִּי כָל-הַעֵשֶׂר אֲשֶׁר הֵצִיל
אֱלֹהִים מֵאֲבֵינוּ לָנוּ הוּא וְלִבְנֵינוּ וְעַתָּה כָּל-אֲשֶׁר אָמַר
אֱלֹהִים אֵלַיךְ עֲשֵׂה: 17 וַיִּקַּם יַעֲקֹב וַיִּשָּׂא אֶת-בָּנָיו
וְאֶת-נְשָׂיו עַל-הַגְּמָלוֹם: 18 וַיַּהֲרֹג אֶת-פְּלִמְקֵהוּ וְאֶת-
כָּל-רֶכְשׁוֹ אֲשֶׁר רָכַשׁ מִקְנֵה קַנְיָנוּ אֲשֶׁר רָכַשׁ פְּפֹדָן
אָרָם לְכוּא אֶל-יִצְחָק אָבִיו אֶרְצָה כְּנָעַן: 19 וְלָבֵן הָלַךְ
לְנֹחַ אֶת-צִמְאוֹ וַחֲנֹבֵב רָחֵל אֶת-הַתְּרָפִים אֲשֶׁר לְאֵבֶיהָ:
20 וַיִּנְגַב יַעֲקֹב אֶת-לֵב לָבֵן הָאֶרְמִי עַל-כִּלְי הַגִּיד לוֹ כִּי
בָרַח הוּא: 21 וַיִּבְרַח הוּא וְכָל-אֲשֶׁר-לוֹ וַיִּקַּם וַיַּעֲבֹר
אֶת-הַנָּהָר וַיִּשֶׂם אֶת-בָּנָיו הַר הַגְּלָעָד: 22 וַיַּגֵּד לְלָבֵן
בַּיּוֹם הַשְּׁלִישִׁי כִּי בָרַח יַעֲקֹב: 23 וַיִּקַּח אֶת-אֶחָיו עִמּוֹ
וַיִּרְדּוּ אַחֲרָיו בְּרֶדֶד שִׁבְעַת יָמִים וַיִּדְבַק אֹתוֹ בְּרֶדֶת
הַגְּלָעָד: 24 וַיָּבֹא אֱלֹהִים אֶל-לָבֵן הָאֶרְמִי בַחֲלֹם הַלַּיְלָה
וַיֹּאמֶר לוֹ הַשְּׁמַר לְךָ פֶּן-תִּדְבַר עִם-יַעֲקֹב מִטּוֹב עַד-
רָע: 25 וַיִּשְׁנֶן לָבֵן אֶת-יַעֲקֹב וַיַּעֲלֶה אֶת-אֶהָלוֹ
בְּרֶדֶת וְלָבֵן תָּקַע אֶת-אֶחָיו בְּרֶדֶת הַגְּלָעָד: 26 וַיֹּאמֶר לָבֵן
לְיַעֲקֹב מַה עָשִׂיתָ וַחֲנֹבֵב אֶת-לִבְכִי וַחֲנֹבֵב אֶת-כְּנֹתִי
כַּשְׂבִּיאוֹת הָרֶבֶב: 27 לָמָּה נִתְפַּאתָ לְבָרִיחַ וַחֲנֹבֵב אֹתִי וְלֹא-
הִגַּדְתָּ לִּי וַאֲשַׁלְּחֶךָ בְּשִׂמְחָה וּבְשָׂרִים כִּתְּחִי וּבְכֶנֶזֶר:
28 וְלֹא נִטְשָׁתָנִי לְנֶשֶׁק לְכֹנֵי וּלְכֹנֵתִי עַתָּה הִסְפַּלְתָּ
עִשׂוֹ: 29 יִשְׂרָאֵל יָדִי לַעֲשׂוֹת עִמָּכֶם רָע וְאֵלֹהֵי אֲבִיכֶם
אָמַשׁ אֱמַר אֵלַי לֵאמֹר הַשְּׁמַר לְךָ מִדְּבַר עִם-יַעֲקֹב
מִטּוֹב עַד-רָע: 30 וְעַתָּה הִלַּךְ הַלַּכְתָּ כִּי-נִכְסַף נִכְסַפְתָּה.

1. Бродский И. Авраам и Исаак.

2. Пушкин А. Евгений Онегин.

«Пру рву» — плодитесь и размножайтесь (Быт. 1.22).

Быт. 22.17.

«Ха-гадоль, ха-гибор вэ ха-нора» (великий, сильный и страшный) — начальное обращение к Всевышнему в первой бенедикции ежедневной молитвы «Шмонэ Эсрэ».

לֹא וַיִּשְׁמַע אֶת־דְּבָרָי בְּנִי־לִבְנִי לֵאמֹר לֶקַח יַעֲקֹב
 אֶת כָּל־אֲשֶׁר לְאֹבְדָיו וּמֵאֲשֶׁר לְאֹבְדָיו עָשָׂה אֶת כָּל־
 הַכְּבֹד הַזֶּה: 2 וַיֵּרָא יַעֲקֹב אֶת־פְּנֵי לָבָן וַהֲנִיחַ אֵינָנִי
 עִמּוֹ כְּחִמּוֹל שְׁלֹשׁוֹם: 3 וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל־יַעֲקֹב שׁוּב
 אֶל־אֶרֶץ אֲבוֹתֶיךָ וְלְמוֹלַתְךָ וְאֵתְּנָה עִמָּךְ: 4 וַיִּשְׁלַח
 יַעֲקֹב וַיִּקְרָא לְרַחֵל וּלְלֵאָה הַשְׂדָּה אֶל־צֹאנָיו: 5 וַיֹּאמֶר
 לָהֶן רְאֵה אֲנֹכִי אֶת־פְּנֵי אֲבִיכֶן כִּי־אֵינִי אֵלַי כְּחִמּוֹל
 שְׁלֹשִׁים וְאַלְהֵי אֲבִי הֵיחָד עִמָּדִי: 6 וְאַתֶּנָּה יַדְעָתָן כִּי
 בְּכָל־כְּחֵי עֲבָדְתִי אֶת־אֲבִיכֶן: 7 וְאֲבִיכֶן הִחֵל כִּי וַהֲחֵלָה
 אֶת־מִשְׁפַּרְתִּי עֲשֵׂרֶת מַנִּים וְלֹא־נָתַנּוּ אֱלֹהִים לְהִרְעֵ
 עִמָּדִי: 8 אִם־כֹּה יֹאמֶר נִקְדִים יִהְיֶה שְׂכָרְךָ וְיִלְדוּ כָל־
 הַצֹּאן נִקְדִים וְאִם־כֹּה יֹאמֶר עֲקָדִים יִהְיֶה שְׂכָרְךָ וְיִלְדוּ
 כָל־הַצֹּאן עֲקָדִים: 9 וַיִּצַּל אֱלֹהִים אֶת־מִקְנֵה אֲבִיכֶם
 וַיִּתְּנֵלֶי: 10 וַיְהִי כַּעַת יַחַם הַצֹּאן וְאִשָּׁא עֵינָי וַאֲרָא
 בְּחִלּוֹם וַהֲנִי הַעֲתִדִים הָעֵלִים עַל־הַצֹּאן עֲקָדִים נִקְדִים
 וּבְרָדִים: 11 וַיֹּאמֶר אֵלַי מְלֶאֶךְ הָאֱלֹהִים בְּחִלּוֹם יַעֲקֹב
 וַאֲמַר הֲגַנִּי: 12 וַיֹּאמֶר שָׂאֲנָא עֵינֶיךָ וּרְאֵה כָּל־הַעֲתִדִים
 הָעֵלִים עַל־הַצֹּאן עֲקָדִים נִקְדִים וּבְרָדִים כִּי רָאִיתִי אֶת
 כָּל־אֲשֶׁר לָבָן עָשָׂה לָךְ: 13 אֲנֹכִי הָאֵל בֵּית־אֵל אֲשֶׁר
 מִשְׁחַת שֵׁם מִצְבֵּה אֲשֶׁר נִרְדַּת לִי שֵׁם נִרְדַּת עִתָּה קוֹם
 צֵא מִדֶּה־אֶרֶץ הַזֹּאת וְשׁוּב אֶל־אֶרֶץ מוֹלַתְךָ: 14 וַתַּעַן
 רַחֵל וּלְאָה וַתֹּאמְרֶנָּה לוֹ הַעוֹד לָנוּ חֵלֶק וְנַחֲלָה בְּבֵית
 אֲבִינִי: 15 הֲלוֹא נִבְרִיזוֹת נִחְשְׁכֵנוּ לוֹ כִּי מִכְּרֵנוּ וַיֹּאמֶל

и тот метнётся в тень,
 барсук,
 в лесу
 спасавшийся от сук,
 на сук
 нарвавшийся
 барсук
 от сук не убежит.
 Не потому ль
 и лилии мои
 головки уронили?

Авва Отче!

Да, безродность.
 Да, коленопреклонённость.
 Бесприютность...
 Бедность...

Возрасти росток Давида,

но прости
 за дерзость
 просьбы
 соблюсти
 в потомстве
 русскую
 словесность.

Судный День или День Всепрощения («Йом-Киппур») — самый важный из праздников. В этот день открываются небеса, и Господь, совершая Свой суд, определяет судьбы каждого на год.

«Возрасти росток Давида» — начало одной из бенедикций ежедневной молитвы «Шмонэ Эср».

Ибо

в тогу ли вавогу,
в гоголь-моголь ли,
в Магог ли к Гого
выхожу один я на дорогу,

Вышний!

Ти пустыня внемлет у Синая,
звезды гимн слагают,
Тя трепещет всяка тварь земная.

Се Твои таинственные знаки.

Да никако
мы писаки?
Мы — пиджа⁰ки.

Се Твои от века данные обетованья :
шёпот сердца, уст дыханье...

Центр!

Центр!

Говорит Москва.

Приём!

Приём!

Я Рашин

russian.

אֶל־עַקֵּב הַבְּנוֹת בְּנֹתַי וְהַפְּנִים בְּנֵי וְהַצָּאן צֹאנֵי וְכָל
אֲשֶׁר־אַתָּה רָאָה לִי־הוּא וְלִבְנֹתַי מִה־אֲעֻשָׂה לְאַלֶּה
הַיּוֹם אוֹ לְבָנֶיהֶן אֲשֶׁר יִלְדוּ: 44 וְעַתָּה לָכֵּה נִכְרַתָּה
כְּרִית אֲנִי וְאַתָּה וְהָיָה לְעַד בֵּינִי וּבֵינֶךָ: 45 וַיִּקַּח יַעֲקֹב
אֶבֶן וַיְרִימָהּ מִצִּבְּה: 46 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב לְאַחִיו לְקַטּוּ אֲבָנִים
וַיִּקְחוּ אֲבָנִים וַיַּעֲשׂוּ־גֵל וַיֹּאכְלוּ שֵׁם עַל־הַגֵּל: 47 וַיִּקְרָא
לוֹ לָבֵן יַגֵּר שֶׁהָדוּתָא וַיַּעֲקֹב קָרָא לוֹ גֵּלְעָד: 48 וַיֹּאמֶר
לָבֵן הַגֵּל הַזֶּה עַד בֵּינִי וּבֵינֶךָ הַיּוֹם עַל־כֵּן קָרָא־שְׁמוֹ
גֵּלְעָד: 49 וְהַמִּצְפָּה אֲשֶׁר אָמַר יַצֵּף וְהָיָה בֵּינִי וּבֵינֶךָ
כִּי נִסְתַּר אִישׁ מִרְעֵהוּ: 50 אִם־תִּעֲנֶנָּה אֶת־בְּנֹתַי וְאִם־
תִּקַּח נָשִׁים עַל־בְּנֹתַי אִין אִישׁ עִמָּנּוּ רָאָה אֱלֹהִים עַד
בֵּינִי וּבֵינֶךָ: 51 וַיֹּאמֶר לָבֵן לַיעֲקֹב הִנֵּה הַגֵּל הַזֶּה
וְהִנֵּה הַמִּצְבָּה אֲשֶׁר יָרִיתִי בֵּינִי וּבֵינֶךָ: 52 עַד הַגֵּל הַזֶּה
וְעַד הַמִּצְבָּה אִם־אֲנִי לֹא־אֲעֻבֵר אֶלֶּיךָ אֶת־הַגֵּל הַזֶּה
וְאִם־אַתָּה לֹא־תֵעָבֵר אֵלָי אֶת־הַגֵּל הַזֶּה וְאַת־הַמִּצְבָּה
הַזֹּאת לְרַעְיָה: 53 אֱלֹהֵי אֲבֹרָהִם וְאֱלֹהֵי נַחֲוֹר יִשְׁפְּטוּ
כִּינֵינוּ אֱלֹהֵי אֲבִיהֶם וַיִּשָּׁבַע יַעֲקֹב בְּפָחַד אֲבִיו יַצֵּחֵק:
54 וַיִּזְבֹּחַ יַעֲקֹב זֶבַח בְּהָר וַיִּקְרָא לְאַחִיו לְאָכַל־לֶחֶם
וַיֹּאכְלוּ לֶחֶם וַיְלִינוּ בְּהָר:

לב ויששם לבן בפקר וינשק לבניו ולבנותיו ויבדד
אתהם וילד וישב לבן למקומו: 2 ויעקב הלך לדרפו

1. Лермонтов М. «Выхожу один я на дорогу...»

2. Хармс Д. Анекдоты из жизни Пушкина.

3. Фет А. «Шепот сердца, уст дыханье...»

«Тогу вавогу» — пустота и хаос (Быт.1.2).

Гог, царь Магога — персонаж предания, восстающий на Бога (по второй версии, это два народа).

Раши — аббревиатура имени рабби Шломо бен-Ицхаки (1040 — 1105), жившего на юге Франции знаменитого комментатора Библии и Талмуда.

לְבִית אֲבִיד לְמַה נִּגְבַּת אֶת־אֱלֹהֵי: 31 וַיֵּשֶׁן יַעֲקֹב וַיֹּאמֶר
 לְלִבּוֹ כִּי יִרְאֵהוּ כִּי אִמְרָתִי פֶן־תִּגְזַל אֶת־בְּנוֹתַי מֵעַמִּי:
 32 עִם אֲשֶׁר תִּמְצָא אֶת־אֱלֹהֶיךָ לֹא יִתְּיֹה נֶגֶד אֲחֵינוּ
 הַפְּרֹלֶדֶת מִה עֲמְדִי וְקַח־לְךָ וְלֹא־יָדַע יַעֲקֹב כִּי רָחֵל
 נִגְבַּתָּם: 33 וַיֹּבֵא לָכֵן בְּאֹהֶל יַעֲקֹב וּבְאֹהֶל לֵאָה וּבְאֹהֶל
 שְׁתֵּי הָאִמֶּרֶת וְלֹא מִצָּא וַיֵּצֵא מֵאֹהֶל לֵאָה וַיֹּבֵא בְּאֹהֶל
 רָחֵל: 34 וְרָחֵל לָקְחָה אֶת־הַתְּרָפִים וַתִּשְׂמֶם בְּכַר הַגָּמֶל
 וַתִּשָּׁב עֲלֵיהֶם וַיִּמְשָׁשׁ לָבָן אֶת־פְּלִי־הָאֹהֶל וְלֹא מִצָּא:
 35 וַתֹּאמֶר אֶל־אֲבִיהָ אֵל־יִחִיר בְּעֵינַי אֲדֹנָי כִּי לֹא אוֹכַל
 לָקוּם מִפְּנֵיךָ כִּי־דָרַדְתָּ נָשִׁים לִי וַיַּחֲפֹשׂ וְלֹא מִצָּא אֶת־
 הַתְּרָפִים: 36 וַיַּחַר לַיעֲקֹב וַיִּרְבַּ בְּלִבּוֹ וַיֵּשֶׁן יַעֲקֹב וַיֹּאמֶר
 לְלִבּוֹ מִה־פָּשְׁעִי מַה חָטָאתִי כִּי דָלַקְתָּ אֲחֵרַי: 37 כִּי
 מִשְׁשַׁת אֶת־כְּלִי־כְלִי מִה־מִּצָּאתָ מִכֹּל כְּלִי־בֵיתְךָ שִׁים
 כֹּה נֶגֶד אֲחֵי וְאֲחִיד וַיִּוְכִיחוּ בֵּין שְׁנֵינוּ: 38 זֶה עֲשָׂרִים
 שָׁנָה אֲנֹכִי עֹמֵד רֹחֵלִיד וְעוֹדֵד לֹא שָׁכַחוּ וְאֵילִי צֹאנֶךָ
 לֹא אֲכָלְתִּי: 39 טָרַפָּה לֹא־הִבָּאתִי אֵלֶיךָ אֲנֹכִי אֲחַטָּנָה
 מִיָּדִי תִּבְקַשְׁנָה גִּבְתִּי יוֹם וַנִּגְבַּתִּי לַיְלָה: 40 הֵיטִיב בָּרוּם
 אֲכַלְנִי חֶרֶב וְקָרַח כְּלִילָה וַתִּדַּד שְׁנֵתִי מֵעֵינַי: 41 זֶה־
 לִי עֲשָׂרִים שָׁנָה כְּבִיתְךָ עֲבַדְתִּיד אֲרַפְעֵ־עֲשָׂרָה שָׁנָה
 בְּשֵׁתִי כְּנֹתִיד וְשֵׁשׁ שָׁנִים בְּצֹאנֶךָ וַתַּחֲלֵף אֶת־מִשְׁפְּרָתִי
 עֲשָׂרַת מָנִים: 42 לוֹלִי אֱלֹהֵי אָבִי אֱלֹהֵי אֲבֹרָהֶם וַפְּחַד
 יִצְחָק הָיָה לִי כִּי עָתָה רִיקָם שְׁלַחְתָּנִי אֶת־עֲנָוִי וְאֶת־
 יָגִיעַ כִּפִּי רָאָה אֱלֹהִים וַיֹּכַח אִמְשׁ: 43 וַיֵּשֶׁן לָבָן וַיֹּאמֶר

Ну-ка
 одесную
 две шага,
 и две шага
 ошую!
 Тише,
 всюду уши...

Центр!
 Центр!
 Эту чашу
 мимо
 проносить не надо :
 все мы
 из Кронштадта.

Рубинштейн
 + Пепперштейн,
 Эпштейн,
 Бакштейн Иосиф —
 stein дадут
 и в волны бросят.

Я одену белый похоронный китель,
 ты оденешь белый похоронный китель,
 он оденет белый похоронный китель.

Вседержитель!

Белый похоронный китель — облачение, одеваемое в Судный День.

Камни тонут,
ветры стонут
с четырёх сторон,
но вспомни Йону
с кикайоном.

Возврати
всех заикающихся и мычащих,
вопиющих и болящих,
блеющих, но настоящих,
говорящих.

Понимаешь,
это странно,
очень странно,
но небес в лазоревой дали
Психея дышит невозбранно.

Мишка, Мишка,
вот тебе и крышка.
Где ж твоя улыбка,
полная задора
молодого?

Ян Абрамыч,
там моя улыбка,

מִנְחָה לַעֲשׂוֹ אֲחִיו: ¹⁵ עֵינַי מֵאֲחִים וְחַיִּים עֲשִׂים
רְחֵלִים מֵאֲחִים וְאֵלִים עֲשִׂים: ¹⁶ גַּמְלִים מִיְּנִיקוֹת
וּבְנֵיהֶם שְׁלֹשִׁים פְּרוֹת אַרְבָּעִים וּפְרִים עֲשֶׂרָה אֲתֹנֹת
עֲשִׂים וְעִרֹם עֲשֶׂרָה: ¹⁷ וַיְחַן בְּיַד־עֲבָדָיו עֵדֶר עֵדֶר
לְכָדוֹ וַיֹּאמֶר אֶל־עֲבָדָיו עֲבָדוּ לִפְנֵי גְרוֹחַ תְּשִׁימוּ בֵּין
עֵדֶר וּבֵין עֵדֶר: ¹⁸ וַיֵּצֵא אֶת־הָרֵאשֹׁן לֵאמֹר כִּי יִפְגַּשְׁךָ
עֵשׂוֹ אֲחִי וְשִׂאֲלֶךָ לֵאמֹר לְמִי־אַתָּה וְאָנֹכִי הַלֵּד וְלִמִּי
אֱלֹהִים לִפְנֵיךָ: ¹⁹ וְאָמַרְתָּ לַעֲבָדֶךָ לֵיעֲקֹב מִנְחָה הוּא
שְׁלוּחָה לְאֲדָנָי לַעֲשׂוֹ וְהִנֵּה גַם־הוּא אֲחֵרֵינוּ: ²⁰ וַיֵּצֵא גַם
אֶת־הַשֵּׁנִי גַם אֶת־הַשְּׁלִישִׁי גַם אֶת־כָּל־הַהֲלָלִים אֲחֵרֵי
הָעֲדָרִים לֵאמֹר בְּרַב־רַב הִנֵּה תִדְבְּרוּן אֶל־עֲשׂוֹ בְּמַעֲבָם
אֲחִיו: ²¹ וְאָמַרְתָּם גַּם הִנֵּה עֲבָדֶךָ יַעֲקֹב אֲחֵרֵינוּ כִּי
אָמַר אֲכַפְּרָה פְּנָיו כַּמְּנַחַה הַהֲלָכַת לִפְנֵי וְאֲחֵרֵינוּ
אֲרָאָה פְּנָיו אוֹלֵי יֵשׂא פָּנָיו: ²² וְתַעֲבֹר הַמְּנַחָה עַל־
פָּנָיו וְהוּא לֵן בְּלִילָה־הַהוּא בְּמִוְנָה: ²³ וַיִּקַּם וּבְלִילָה
הוּא וַיִּקַּח אֶת־שְׂתֵי נָשָׁיו וְאֶת־שְׂתֵי שִׁפְחוֹתָיו וְאֶת־
אֶחָד עֶשֶׂר וְלָדָו וַיַּעֲבֹר אֶת מַעֲבָר וַיִּקַּח: ²⁴ וַיִּקְחֶם
וַיַּעֲבֵרם אֶת־הַנְּחַל וַיַּעֲבֹר אֶת־אֲשֶׁר־לוֹ: ²⁵ וַיִּוְתֵר יַעֲקֹב
לְכָדוֹ וַיֹּאבֵק אִישׁ עִמּוֹ עַד עֲלוֹת הַשָּׁחַר: ²⁶ וַיֵּרָא
כִּי לֹא יָכַל לוֹ וַיִּגַע בְּקַפְיָו וַיִּתְקַע בְּפִי־רֹדֶךָ יַעֲקֹב
בְּהִאֲבָקוֹ עִמּוֹ: ²⁷ וַיֹּאמֶר שְׁלֹמִי כִּי עֲלָה הַשָּׁחַר וַיֹּאמֶר
לֹא אֲשַׁלְּחֶךָ כִּי אִם־בְּרַכְתָּנִי: ²⁸ וַיֹּאמֶר אֵלָיו מַה־שָּׂמַד
וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב: ²⁹ וַיֹּאמֶר לֹא יַעֲקֹב יֹאמֶר עוֹד שָׂמַד כִּי
אִם־יִשְׂרָאֵל כִּי־שְׂרִית עִם־אֱלֹהִים וְעִם־אֲנָשִׁים וְהוֹבֵל:

Пророк Иона сидел в тени дерева кикайон (в русском переводе — «растение») (Ион.4.6-11). Книга Ионы ежегодно читается в Судный День. «Возвращение» и «покаяние» передаётся по-еврейски одним словом «тшува».

Комментируя заключительные слова книги Ионы, Раши пишет, что кающиеся ниневийцы, «не умеющие отличить правой руки от левой» — это дети, а «множество скота» — взрослые.

וַיִּפְגְּעוּ בָּכֹךְ מִלֵּאכֵי אֱלֹהִים: 9 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב בְּאִשֶׁר רָאִים
 מַחְנֵה אֱלֹהִים זֶה וַיִּקְרָא שְׁמֵהֶמְקוֹם הַהוּא מַחְנֵים: 10
 וַיִּשְׁלַח יַעֲקֹב מִלְּאִכִּים לִפְנֵי אֶלְעִישׁוֹ אֲחִיו אֲרָצָה
 שְׂעִיר שָׂדֵה אֲדוֹם: 11 וַיִּצַּו אֹתָם לֵאמֹר כֹּה תֹאמְרוּן
 לְאֲרָנֵי לַעֲשׂוֹ כֹּה אָמַר עֲבָדְךָ יַעֲקֹב עִם־לָבָן נִרְתִּי וְאֲחִר
 עַד־עַתָּה: 12 וַיְהִי־לִי שׂוֹר וְחִמּוֹר צֹאן וְעֶבֶד וְשִׁפְחָה
 וְאֲשֶׁלְחָה לְהַגִּיד לְאֲרָנֵי לְמַצְאֵתָן בְּעֵינֶיךָ: 13 וַיִּשְׁכְּבוּ
 הַמִּלְּאִכִּים אֶל־יַעֲקֹב לֵאמֹר בָּאנוּ אֶל־אֲחִיךָ אֶל־עֲשׂוֹ
 וְגַם הִלְךְ לְקִרְאָתְךָ וְאַרְבַּע־מֵאוֹת אִישׁ עִמּוֹ: 14 וַיִּירָא
 יַעֲקֹב מְאֹד וַיִּצַּר לוֹ וַיַּחֲזֵן אֶת־הָעַם אֲשֶׁר־אֵתּוֹ וְאֶת־
 הַצֹּאן וְאֶת־הַבְּקָר וְהַגְּמָלִים לְשַׁעַן מַחְנוֹת: 15 וַיֹּאמֶר
 אִם־יָבֹא עֲשׂוֹ אֶל־הַמַּחְנֵה הָאֶחָד וְהִכּוּ וְהָיָה הַמַּחְנֵה
 הַנִּשְׁאָר לְפִלִּיטָה: 16 וַיֹּאמֶר יַעֲקֹב אֱלֹהֵי אָבִי אַבְרָהָם
 וְאֱלֹהֵי אָבִי יִצְחָק יְהוָה הָאֵמֵר אֵלַי שׁוּב לְאֲרָצְךָ
 וְלְמוֹלְדֹתְךָ וְאִיטִיבָה עִמָּךְ: 17 קָמְנָתִי מִכָּל הַחֲסִדִּים
 וּמִכָּל־הָאֲמֹת אֲשֶׁר עָשִׂיתָ אֶת־עֲבָדְךָ כִּי בְמִקְלִי עָבַרְתִּי
 אֶת־הַיַּרְדֵּן הַזֶּה וְעַתָּה הֵייתִי לְשַׁעַן מַחְנוֹת: 18 הַצִּילֵנִי
 נָא מִיַּד אָחִי מִיַּד עֲשׂוֹ כִּי־יִרְאֵ אֹנְכִי אֵתּוֹ פְּנֵי־יָבֹא
 וְהִפְנִי אִם עַל־פְּנִים: 19 וְאַתָּה אֲמַרְתָּ הֵיטֵב אִיטִיב
 עִמָּךְ וְשִׁמְתִי אֶת־רַעְדְךָ כְּחֹל הַיָּם אֲשֶׁר לֹא־יִסְפָּר
 מִרְבּוֹ: 20 וַיִּלֶּן שָׁם בְּלֵילָה הַהוּא וַיִּקַּח מִן־הַבָּבַי כִּדּוֹ

где за репку
 взяли дедку,
 бабуку посадили,
 внучку и собачку
 ввергли в печку,
 мышку доконали,
 где осталось
 лишь блаженное
 бессмысленное
 словосочетанье :
 «Роза Яакова»

Арфы сломаны,
 но что там
 за аккорд
 ещё рыдает?
 Говорите прямо :

«Жил и съехал
 Александр Скерцович
 Герцович
 из колена Беньямина,
 сына Пятки,
 сына Смеха,
 сына Авраама».

1989

«Роза Яакова ликовала...»- начальные слова молитвы на Пурим (праздник Жребиев). Роза Яакова — символ Израиля. Яаков (Иаков) — имя, происходящее от слова «пятка». Имя Ицхак (Исаак) происходит от слова «смех».

1. Сатуновский Я. «Слушай сказку, детка...»
2. Мандельштам О. «В Петербурге мы сойдемся снова...»
3. Надсон С. «Не говорите мне: он умер — он живет...»
4. Мандельштам О. «Жил Александр Герцович...»

(Комментарий Ш. Рабиновича)

ДЫР БУЛ ЩЫЛ ПО У ЧЭН-ЭНЮ

(маргиналии к «Путешествию на Запад»)

*Здравствуй, моя Мурка, здравствуй дорогая,
здравствуй, дорогая, и прощай...
Ты зашухерила всю нашу малину
и теперь маслину получай.*

— Дыр бул шыл,
где ты был?
— На Фонтанке
водку пил.

У попа была собака,
он её любил.
Трипитака,
Трипитака,
Сюанцзан
Великой Тан,
у попа была собака,
шуба да кафтан.
По волнам,
как по горам,
по морям,
как по долам,
ходят шуба да кафтан
нынче здесь,
а завтра там.
Забери меня,
чанъанский караван,
запеки меня
в свой каравай,
туда,
где сидит фазан.

— Гуси, гуси!
— Га-га-га...
— Есть хотите?
— Да-да-да,
туда,
где сидит фазан.

Каждый охотник
желает знать

須臾間，三海龙王拥至，問：『大哥，有何事命弟等？』敖广道：『孙大圣在这里借雨助力降妖。』三弟即引进見毕，行者备言借水之事。众神个个欢从，即点起：

鯨魚驍勇为前部，鱷痴口大作先鋒。鯉元帥翻波跳浪，鯁提督吐霧噴風。

鱗太尉东方打哨，鮑都司西路催征。紅眼馬郎南面舞，黑甲將軍北下冲。

鱗把总中軍掌号，五方兵处处英雄。纵横机巧龜樞密，妙算玄微龟相公。

有謀有智鼉丞相，多变多能鼉总戎。横行蟹士輪长剑，直跳虾婆扯硬弓。

鮎外郎查明文簿，点龙兵出离波中。

有詩为証。詩曰：

四海龙王喜助功，齐天大圣請相从。只因三藏途中难，借水前来灭火紅。

那行者領着龙兵，不多时，早到号山枯松澗上。行者道：『敖氏昆玉，有煩远跣。此間乃妖魔之处，汝等且停于空中，不要出头露面。让老孙与他賭斗，若贏了他，不須列位捉拿；若輸与他，也不用列位助陣；只是他但放火时，可听我呼喚，一齐噴雨。』龙王俱如号令。

行者却按云头，入松林里，見了八戒、沙僧，叫声『兄弟。』八戒道：『哥哥来得快啞！可曾請得龙王来？』行者道：『俱来了。你两个切勿須仔細，只怕雨大，莫湿了行李，待老孙与他打去。』沙

где ему искать :

эни бэни рабу,
квинтер винтер жабу,
белого слона
среди бела дня,
меня,
тебя,
с копытами коня,
с клешнёю рака,
четырёх чертят
за чертежом,
двенадцать негрят
у моря нагишом,
двух овечек
в речке,
ручки,
ножки,
огуречик,
гоп со смыком,
котом наплаканный,
козлика бабуси
у волка в лапах,
собаку
с кисою,
что какают
и писают,
биссектрису-крысу,
барсука
на суку
в лесу,
гоголевскую шинель
на гоголевском носу,
Цыпу-Дрипу,
Кырлу-Мырлу,
разлюли-малину,

玉，澗泉波漲万条銀。三叉路口看看滿，九曲溪中漸漸平。这个是唐僧有难神龙助，
扳倒天河往下傾。

那雨淙淙大小，真能止息那妖精的火勢。原来龙王私雨，只好潑得凡火，妖精的三昧真火，如何潑得？好一似火上澆油，越潑越灼。大聖道：『等我捻着訣，钻入火中！』輪鉄棒，寻妖要打。那妖見他来到，将一口烟，劈臉噴来。行者急回头，燭得眼花雀乱，忍不住泪落如雨。原来这大聖不怕火，只怕烟。当年因大鬧天宮时，被老君放在八卦炉中，煅过一番。他幸在那巽位安身，不曾燒坏。只是风攪得烟来，把他燭做火眼金睛，故至今只是怕烟。那妖又噴一口，行者当不得，纵云头走了。那妖王却又收了火具，回归洞府。

这大聖一身烟火，炮燥难禁，徑投于澗水內救火。怎知被冷水一逼，弄得火气攻心，三魂出舍。可怜气塞胸膛喉舌冷，魂飞魄散丧殘生，慌得那四海龙王在半空里，收了雨澤，高声大叫：

『天蓬元帅，卷帘将军，休在林中藏隱，且寻你师兄出来！』

八戒与沙僧听得呼他圣号，急忙解了馬，挑着担，奔出林来，也不顾泥濘，順澗边找寻。只見那上溜头，翻波滾浪，急流中淌下一个人来。沙僧見了，連衣跳下水中，抱上岸来，却是孙大聖身軀。噫！你看他踉跄四肢伸不得，渾身上下冷如冰。沙和尚满眼垂泪道：『师兄！可惜了！你，亿万年不老长生客，如今化作个中途短命人！』八戒笑道：『兄弟莫哭。这猴子佯推死，吓我

шахер-махер,
трёх цилиней
на лунной черепахе,
100 лисиц,
познавших пустоту,
попугая Си-Ванму -
вот компания какая
у Герасима с Муму.

Сорока-ворона
кашку варила,
детишек кормила :
этому дала,
этому дала,
этому дала,
а нам недодала.

Была б
баба Дуня,
она б
дала б,
она б
поведала б :

о козле,
волке
и капусте в лодке,
о коте в мешке,
котятках в пироге,
о всех живущих
зде лежащих
православных,
о праславленных
юннатах,
о чибисе

僧道：「师兄放心前去，我等俱理会得了。」

行者跳过涧，到了門首，叫声「开门！」那些小妖，又去报道：「孙行者又来了。」红孩儿面笑道：「那猴子想是火中不曾烧了他，故此又来。这一来切莫饶他，断然烧个皮焦肉烂才罢。」急纵身，挺着长枪，教：「小的们，推出火车子来！」他出門前，对行者道：「你又来怎的？」行者道：「还我师父来。」那怪道：「你这猴头，忒不通变。那唐僧与你做得师父，也与我做得按酒，你还思量要他哩。莫想！莫想！」行者闻言，十分恼怒。那唐僧与你做得师父，劈头就打。那妖精，使火尖枪，急架相迎。这一場賭斗，比前不同。好杀：

怒发激妖魔，恼急猴王将。这一个专救取經僧，那一个要吃唐三藏。心交沒亲情，情疏无义让。这个恨不得捉住活剥皮，那个恨不得拿来生蘸醬。真个忒英雄，果然多猛壮。棒来枪架賭輸贏，枪去棒迎爭下上。举手相輸二十回，两家本事一般样。

那妖王与行者战經二十回合，見得不能取胜，虚幌一枪，急抽身，捏着拳头，又将鼻子捶了两下，却就噴出火来。那門前車子上，烟火迸起，口中，赤焰飞騰。孙大圣回头叫道：「龙王何在？」那龙王兄弟，帅众水族，望妖精火光里噴下雨来。好雨！真个是：

瀟瀟洒洒，密密沉沉。瀟瀟洒洒，如天边墜落星辰；密密沉沉，似海口倒悬浪滾。起初时如拳大小，次后来瓮潑盆傾。满地澆流鴨頂綠，高山洗出佛头青。沟壑水飞千丈

и чибисятах,
о крокодиле
уличной,
о волке и собаке
сумеречных,
о белом
сказочном
бычке,
о джамблях
в решете -

помните :

«На склоне
Дивного Оленя-Носорога
мы сойдёмся снова,
словно
Каменную Обезьяну
мы похоронили в нём?»

Путь был долог,
как сказал бы
старший гинеколог,
лес был редок.
Протяни мне,
Грека,
через реку
руку,
укажи мне след
в страну
Небесного Бамбука
напоследок.

Иду дальше,
вижу мост,

去？」行者道：「想老孙大闹天宫时，那些神兵，都禁不得我。这妖精神通不小，须是比老孙手段大些的，才降得他哩。天神不济，地煞不能，若要拿此妖魔，须是去请观音菩萨才好。奈何我皮肉酸麻，腰膝疼痛，驾不起筋斗云，怎生请得？」八戒道：「有甚话吩咐，等我去请。」行者笑道：「也罢，你是去得。若见了菩萨，切休仰视，只可低头礼拜。等他问时，你却将地名、妖名说与他，再请救师父之事。他若肯来，定取擒了怪物。」八戒闻言，即便驾了云雾，向南而去。

却說那个妖王在洞里欢喜道：「小的們，孙行者吃了亏了。这一陣虽不得他死，好道也发个大昏。——咦，只怕他又請救兵来也。快开门，等我去看他請誰。」

众妖开了門，妖精就跑在空里观看，只見八戒往南去了。妖精想着南边再无他处，断然是請观音菩薩，急按下云，叫：「小的們，把我那皮袋寻出来。多时不用，只恐口绳不牢，与我换上一条，放在二門之下，等我去把八戒賺将回来，装于袋內，蒸得稀烂，犒勞你們。」原来那妖精有一个如意的皮袋。众小妖拿出来，换了口绳，安于洞門內不題。

却說那妖王久居于此，俱是熟游之地。他曉得那条路上南海去近，那条路去远。他从那近路上，一駕云头，赶过了八戒。端坐在壁岩之上，变作一个「假观世音」模样，等候着八戒。

那呆子正纵云行处，忽然望見菩薩。他那里識得真假？这才是見象作佛。呆子停云下拜

под мостом
ворона мокнет.
Взял ворону
я за хвост,
положил её
на мост :
пусть ворона сохнет.
Иду дальше,
вижу мост,
на мосту
ворона сохнет.
Взял ворону
я за хвост,
положил её
под мост:
пусть ворона мокнет.
Иду дальше,
вижу мост,
под мостом -
подмостки.
Гул затих,
но не затих
мотив :
«Пошёл козёл
в кооператив,
купил козе
презерватив...»
Вот как,
вот как,
серенький козлик.

Раз-два-три-четыре-пять...
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
по кому ему стрелять?

們哩。你摸他摸，胸前还有一点热气沒有？」沙僧道：「渾身都冷了，就有一点点儿热气，怎的就得回生？」八戒道：「他有七十二般变化，就有七十二条性命。你扯着脚，等我摆布他。」真个那沙僧扯着脚，八戒扶着头，把他拽个直，推上脚来，盘膝坐定。八戒将两手搓热，件住他的七窍，使一个按摩禪法。原来那行者被冷水逼了，气阻丹田，不能出声。却幸得八戒按摩揉擦，须臾间，气透三关，轉明堂，冲开孔窍，叫了一声：「师父啊！」沙僧道：「哥哥，你生为师父，死也还在口里。且苏醒，我們在这里哩。」行者睜开眼道：「兄弟們在这里？老孙吃了亏也！」八戒笑道：「你才子发昏的，若不是老猪救你啊，已此了帳了，还不謝我哩！」行者却才起身，仰面道：「敖氏弟兄何在？」那四海龙王在半空中答应道：「小龙在此伺候。」行者道：「累你远劳，不曾成得功果，且請回去，改日再謝。」龙王帅水族，泱泱而回，不在話下。

沙僧揀着行者，一同到松林之下坐定。少時間，却定神順气，止不住泪滴腮边。又叫：「师父啊！」

忆昔当年出大唐，岩前救我脱灾殃。三山六水遭魔障，万苦千辛割寸腸。

托鉢朝餐随厚薄，参禪暮宿或林庄。一心指望成成果，今日安知痛受伤！」

沙僧道：「哥哥，且休煩惱。我們早安計策，去那里請兵助力，搭救师父耶。」行者道：「那里請救么？」沙僧道：「当初菩薩吩咐，着我等保护唐僧，他曾許我們，叫天天应，叫地地应。那里請救

罵，嚷了又嚷，不題。

却說孫大圣與沙僧正坐，只見一陣腥風，刮面而過，他就打了一個噴嚏道：『不好！不好！這陣風，凶多吉少。想是豬八戒走錯路也。』沙僧道：『他錯了路，不會問人？』行者道：『想必撞見妖怪了。』沙僧道：『撞見妖怪，他不會跑回？』行者道：『不停當，你坐在这里看守，等我跑過澗去打听打听。』沙僧道：『师兄腰疼，只恐又着他手，等小弟去罢。』行者道：『你不濟事，还让我去。』

好行者，咬着牙，忍着疼，捻着鉄棒，走过澗，到那火云洞前，叫声『潑怪！』那把門的小妖，又急入里報：『孫行者又在門首叫哩！』那妖王傳令叫拿，那伙小妖，槍刀簇擁，齊声吶喊，卽開門，都道：『拿住！拿住！』行者果然疲倦，不敢相迎，將身鑽在路旁，念个咒語叫『變！』卽變做一個銷金包袱。小妖看見取了進去，報道：『大王，孫行者怕了，只見說一声『拿』字，慌得把包袱丟下，走了。』妖王笑道：『那包袱也无甚么值錢之物，左右是和尙的破偏衫，旧帽子，背进来拆洗做补衬。』一個小妖，果將包袱背進，不知是行者變的。行者道：『好了！這個銷金包袱，背着了！』那妖精不以為事，丟在門內。

好行者，假中又假，虛里还虛：卽拔一根毫毛，吹口仙氣，變作個包袱一樣，他的真身，却又變作一個蒼蠅兒，釘在門樞上。只听得八戒在那里哼哩哼的，聲音不清，却似一個瘟豬。行者

По цыплёнку
жареному-пареному,
по незваному
татарину,
по корове,
что всегда здорова,
по стозевну чудищу
огромну,
облу,
озорну
и лайл,
по одесской
костиной кефали,
по комару ль
бодливому,
по воробью ль
сопливому,
по медведю ли
у дяди Феди
в животе,
по сурку
со мною
моему везде,
по мухе ли
по цокотухе,
по гусям
бабуси ли,
не по синей ли
по птице
да на синей
бороде?

— Дядя Яков,
дядя Яков,

спишь ли ты,
спишь ли ты?
Слышишь звон на башне?
— Тише,
умер Ницше.
Кот на крыше.
Мыши,
так уж вышло,
что в пещере Львиного
Верблюда
являться муза
стала мне,
на семиствольном тростнике
она играла песнь
Нефритового Зайца.
Я слушал
и заслушивался :
два китайца
невольные
и сладкие текли.
Их глас ночной
слыхали львы
(а Вы?),
когда за рошей
свиристели
свиристели,
поюны
пели,
времири
летели,
гонцы весны -
скворцы,
и снегири
под песнь военну
вторили

道：『菩薩，弟子豬悟能叩頭。』妖精道：『你不保唐僧去取經，却見我有何事干？』八戒道：『弟子因与师父行至中途，遇着号山枯松澗火云洞，有个紅孩儿妖精，他把我师父摄了去。是弟子与师兄等，寻上他門，与他交战。他原来会放火，头一陣，不會得贏；第二陣，請龙王助雨，也不能灭火。师兄被他燒坏了，不能行动，着弟子来請菩薩。万望垂慈，救我师父一难！』妖精道：『那火云洞洞主，不是个伤生的，一定是你們冲撞了他也。』八戒道：『我不會冲撞他，是师兄悟空冲撞他的。他变作一个小孩儿，吊在树上，試我师父。师父甚有善心，教我解下来，着师兄驮他一程。是师兄損了他一損，他就弄风儿，把师父摄去了。』妖精道：『你起来，跟我进那洞里見洞主，与你說个人情，你陪一个礼，把你师父討出来罢。』八戒道：『菩薩呀，若肯还我师父，就磕他一个头也罢。』

妖王道：『你跟来。』那呆子不知好歹，就跟着他，徑回旧路，却不向南洋海，随赴火云門。頃刻間，到了門首。妖精进去道：『你休疑忌。他是我的故人，你进来。』呆子只得举步入門。众妖一齐呐喊，将八戒捉倒，装于袋內。束紧了口绳，高吊在馱梁之上。妖精現了本象，坐在当中道：『猪八戒，你有什么手段，就敢保唐僧取經，就敢請菩薩降我？你大睁着两个眼，还不认得我，是圣婴大王哩！如今拿你，吊得三五日，蒸熟了賞賜小妖，权为案酒！』八戒听言，在里面罵道：『潑怪物！十分无礼！若論你百計千方，騙了我吃，管教你一个个遭肿头天瘋！』呆子罵了又

第四十二回

大圣殷勤拜南海

观音慈善缚红孩

話說那六健將出洞門，徑往西南上，依路而走。行者心中暗想道：「他要請老大王吃我師父，老大王斷是牛魔王。自老孫當年与他相會，真个意合情投，交游甚厚。到如今我归正道，他还是邪魔。虽則久別，還記得他模樣，且等老孫變作牛魔王，哄他一哄，看是何如。」好行者，躲離了六個小妖，展開翅，飛向前邊，離小妖有十數里遠近，搖身一變，變作個牛魔王，拔下几根毫毛，叫「變！」即變作几个小妖。在那山凹里，駕鷹牽犬，搭弩張弓，充作打圍的樣子，等候那六健將。

那一伙厮拖厮扯。正行時，忽然看見牛魔王坐在中間，慌得興烘掀、掀烘興扑的跪下道：「老大王爷爷在这里也。」那云里霧、霧里云、急如火、快如風都是肉眼凡胎，那里認得真假，也就一同跪倒，磕頭道：「爷爷！小的們是火云洞聖嬰大王處差來，請老大王爷爷去吃唐僧肉，壽延千紀哩。」行者借口答道：「孩儿們起來，同我回家去，換了衣服來也。」小妖叩頭道：「望爷爷方便，不消回府罷。路程遙遠，恐我大王見責。小的們就此請行。」行者笑道：「好乖儿女。也罷，

Рогатому Дракону
и Однорогому Барану,
Собаке Дикой,
Волку в небесах
и Сунь Укуну
на часах
у входа в храм
Раскатов Грома.

Мне всё здесь дорого,
мне дорого здесь всё :

Фукакуса-но сии-но-сёсё,
Сосо
и колесо Сосо,
ни то ни сё,
масиськи-сиськи,
te six
scies,
que scient
six
arbres

и наоборот :

Фуй Вам — Фуй Нам
Тояма Токанава,
Нюйва,
Авалокитешвара,
Окуджава
и кое-что ещё,
и кое-что ещё,
о чём рассказывать
не надо,
о чём и рассказать
нельзя...

短，「你怎么假变作个观音菩薩，哄我回来，吊我在此，还说要吃我！有一日我师兄：行者闻言，暗笑道：『这呆子虽然在这里面受闷气，却还不倒了旗枪。』老孙一定要拿了此怪。若不如，怎生雪恨！」

正欲设法拯救八戒出来，只听得妖王叫道：『六健将何在？』时有六个小妖，是他知己的精灵，封为健将，都有名字：一个叫做云里雾，一个叫做雾里云；一个叫做急如火，一个叫做快如风；一个叫做兴烘烘，一个叫做掀烘兴。六健将上前跪下。妖王道：『你们认得老大王家么？』六健将道：『认得。』妖王道：『你与我星夜去请老大王来，说我这里捉唐僧蒸与他吃，寿延千纪。』六怪领命，一个个厮拖厮扯，径出门去了。行者要的一声，飞下袋来，跟定那六怪，躲离洞中。毕竟不知怎的请来，且听下回分解。

嚶的飞了去寻时，原来他吊在皮袋里也。行者钉在皮袋，又听得他恶言恶语骂道，妖怪长，妖怪短，「你怎么假变作个观音菩薩，哄我回来，吊我在此，还说要吃我！有一日我师兄：

大展齐天无量法，满山潏怪等时擒！解开皮袋放我出，筑你千鈞方趁心！」

行者闻言，暗笑道：『这呆子虽然在这里面受闷气，却还不倒了旗枪。』老孙一定要拿了此怪。若

Лгя,
лжа,
нет, лгя
на языке
Небесной Канцелярии,
давай мы были
ивою и сливою,
нет,
сливою и ивою
в эпоху Несчастливую.
Давай
ты вереницы ведомств
прошла
из области
в район,
из края в край,
из округа Халеры
в храм
Сияющей Карьеры
спросить Яньло
в Сэньло :
«Что есть Ничто?»
и Кио :
«Почему так всё несправедливо?»

Ведь, Мурка,
светит
свет,
и время
временит...
Ли Бо сказал :
«Печаль полна тобою».
Пишу
в ответ ему

с Ду Фу
как на духу :
«Не жду от жизни
ничего я».
Да, ты ушла
туда,
где никогда...
куда всегда...
откуда нету...
Где же ты?
Тобой мечтания
согреты,
память
медлит
сердце
ранить.

В звёздных весях
у дежурного
по Млечному Пути,
начальника созвездий,
у ответственных
за воду,
газ и свет
секретов нет :
всё соткано
из чистых нитей
выспренных
наитий.
Хоры стройные
светил
плывут в тумане,
сея свет
над нами.
Мурка!
В этой жизни

我半山之中，被我使个变化，将他师父撮来。他与那猪八戒当时寻到我的門前，讲甚么攀亲托熟之言，被我怒发冲天，与他交战几合，也只如此，不見甚么高作(一)。那猪八戒刺邪里就来助战，是孩儿吐出三昧真火，把他烧败了一阵。慌得他去請四海龙王助雨，又不能灭得我三昧真火，被我烧了一个小发昏，連忙着猪八戒去請南海观音菩薩。是我假变观音，把猪八戒赚来，見吊在如意袋中，也要蒸他与众小的們吃哩。那行者今早又来我的門首吆喝，我傳令教拿他，慌得他把包袱都丢下，走了。却才去請父王来看看唐僧活象，方可蒸与你吃，延寿长生不老也。」

行者笑道：「我賢郎啊，你只知有三昧火贏得他，不知他有七十二般变化哩！」妖王道：「凭他怎么变化，我也认得。諒他决不敢进我門来。」行者道：「我儿，你虽然认得他，他却不变大的，如狼犷大象，恐进不得你門；他若变作小的，你却难认。」妖王道：「凭他变甚小的。我这里每一层門上，有四五个小妖把守，他怎生得入！」行者道：「你是不知。他会变苍蝇、蚊子、蛇蝎，或是蜜蜂、蝴蝶并蠅蚊等項，又会变我模样，你却那里认得？」妖王道：「勿虑，他就是鉄胆銅心，也不敢近我門来也。」

行者道：「既如此說，賢郎甚有手段，实是敌得过，方来請我吃唐僧的肉，奈何我今日还不吃哩。」妖王道：「如何不吃？」行者道：「我近来年老，你母亲常劝我作些善事。我想无甚作善，且持些斋戒。」妖王道：「不知父王是长斋，是月斋？」行者道：「也不是长斋，也不是月斋，喚做

мы, как магикане,
шевелим губами.
Но я знаю:
ты не виновата.
Что малина!
Что маслина!
тысячи архатов
примут
непорочную
отроковицу.
Будь как тысячи
архатов.
Ты одна ведь
(если мне
не изменяет
память)
добрести успела
к высшему пределу.
Рабинович
третий день
не просыхает,
я лежу в больнице,
всё осиротело,
но прошу,
чтоб ты просила
яшмовые силы,
чтоб они просили
у Владыки Сил,
чтоб Он простил
тобою
души наша.
Лёд и яшма,
или я — не я,
но та же ты
за пазухой у Бога.
Что такого?..

也罢,向前开路,我和你去来。』六怪抖擻精神,向前喝路。大圣随后而来。

不多时,早到了本处。快如风,急如火撞进洞里:『报大王,老大王爷爷来了。』妖王欢喜道:

『你们却中用,这等来的快。』即便叫各路头目,摆队伍,开旗鼓,迎接老大王爷爷。满洞群妖,遵依旨令,齐齐整整,摆将出去。这行者昂昂烈烈,挺着胸脯,把身子抖了一抖,却将那架鹰犬的毫毛,都收回身上。拽开大步,径走入门里,坐在南面当中。红孩儿当面跪下,朝上叩头道:『父王,孩儿拜揖。』行者道:『孩儿免礼。』那妖王四大拜拜毕,立于下手。行者道:『我儿,请我来有何事?』妖王躬身道:『孩儿不才,昨日获得一人,乃东土大唐和尚。常听得人讲,他是一个十世修行之人,有人吃他一块肉,寿似蓬瀛不老仙。愚男不敢自食,特请父王同享唐僧之肉,寿延千纪。』行者闻言,打了个失惊道:『我儿,是那个唐僧?』妖王道:『是往西天取经的人也。』行者道:『我儿,可是孙行者师父么?』妖王道:『正是。』行者摆手摇头道:『莫惹他!莫惹他!别的还好惹,孙行者是那样人哩,我贤郎,你不会会他?那猴子神通广大,变化多端。他曾大闹天宫。玉皇上帝差十万天兵,布下天罗地网,也不会捉得他。你怎么敢吃他师父!快早送出去还他,不要惹那猴子。他若打听着你吃了他师父,他也不来和你打,他只把那金箍棒往山腰里拗个窟窿,连山都拗了去。我儿,弄得你何处安身,教我倚靠何人养老!』

妖王道:『父王说那里话,长他人志气,灭孩儿的威风。那孙行者共有兄弟三人,领唐僧在

Дай Ананде
и Касьяпе
взятку -
эту вот тетрадку,
и проси об избавлении
всего живого.
Облик твой
навек впечатлен
в тоскующее сердце :
очи
ярче ночи,
вместе
сложены ладони,
плечи узкие
нерусские,
уносит
облако чудесное
тебя, наперсница,
в страну небесную.
Куда же ты?
Ведь если женщину
сложить с мужчиной,
то получится
жемчужина.
Ища тебя
в ручьях,
вспоминаю
ушки
бурые :

— Ты чья?

— Ничья.

— И хвост трубой
не твой?

Усы прилизаны,
глаза зажмурены...

只管說來。『妖王伏于地下道：『愚男一則請來奉獻唐僧之肉，二來有句話儿上請。我前日闍行，駕祥光，直至九霄空內，忽逢着祖延道齡張先生。』行者道：『可是做天師的張道齡么？』妖王道：『正是。』行者問曰：『有甚話說？』妖王道：『他見孩儿生得五官周正，三停平等，他問我是几年、那月、那日、那時出世。儿因年幼，記得不真。先生子平精熟，要与我推看五星。今請父王，正欲問此。倘或下次再得相会他，好煩他推算。』行者聞言，坐在上面暗笑道：『好妖怪呀！老孙自归佛果，保唐僧父，一路上也捉了几个妖精，不似这厮克剝。他問我甚么家长礼短，少米无柴的話說，我也好信口捏騰。』答他。他如今問我生年月日，我却怎么知道！……』好猴王，也十分乖巧，巍巍端坐中間，也无一些儿惧色，面上反喜盈盈的笑道：『賢郎請起。我因年老，連日有事不遂心怀，把你生时果偶然忘了。且等到明日回家，問你母亲便知。』

妖王道：『父王把我八个字时常不离口論說，說我有同天不老之寿，怎么今日一旦忘了！岂有此理！必是假的！』眼的一声，群妖枪刀簇拥，望行者没头沒臉的札来。这大圣使金箍棒架住了，現出本象，对妖精道：『賢郎，你却沒理。那里儿子好打爷的？』那妖王满面羞慚，不敢回視。行者化金光，走出他的洞府。小妖道：『大王，孙行者走了。』妖王道：『罢！罢！罢！让他走了罢！我吃他这一場亏也！且关了門，莫与他打話，只来刷洗唐僧，蒸吃便罢。』

Прощай же, Мурка!
Рабинович
пьёт уже три дня,
не чужд и я
огульной выпивке.
Не удивительно :
идёт-гудёт
Зелёный Шум
от Тяньаньмынь
в Батум-Сухум
и из Сухум-Батума
во дворец
Союзного Правительства.
Моли из лотоса
о восполнении
Богоантропоса.
Кем-чем?
Да нами же :

шорьками-зелюками,
бодланутым бокром
с куздрой глокою,
недотыкомкою,
таторами-ляторами,
эмалиолью
одинокую,
дыр бул шылом
(или шыл бул дыром),
бобзоби,
вээоми,
Хни и Хню,
угланами в углах,
Потцом,
счастьем
встречи нашей -
Манжероком,

「雷斋」。每月只該四日。』妖王問：『是那四日？』行者道：『三辛逢初六。今朝是辛酉日，一則当斋，二来酉不会客。且等明日，我去亲自刷洗蒸他，与儿等同享罢。』

那妖王聞言，心中暗想道：『我父王平日吃人为生，今活殺有一千余岁，怎么如今又吃起斋来了？想当初作恶多端，这三四日斋戒，那里就积得过来。此言有假，可疑！可疑！』即抽身走出二門之下，叫六健将来問：『你們老大王是那里請来的？』小妖道：『是半路請来的。』妖王道：『我說你們来的快。不會到家么？』小妖道：『是，不會到家。』妖王道：『不好了！着了他假也！这不是老大王！』小妖一齐跪下道：『大王，自家父亲，也认不得。』妖王道：『观其形容动静都象，只是言語不象。只怕着了他假，吃了人亏。你們都要仔細：会使刀的，刀要出鞘，会使枪的，枪要磨明，会使棍的，使棍，会使绳的，使绳。待我再去問他，看他言語如何。若果是老大王，莫說今日不吃，明日不吃，便迟个月何妨！假若言語不对，只听我眼的一声，就一齐下手。』群魔各領命訖。

这妖王复轉身到于里面，对行者当面又拜。行者道：『孩儿，家无常礼，不須拜；但有甚話，

却說那行者舉着鉄棒，呵呵大笑，自澗那邊而來。沙僧聽見，急出林迎着道：「哥啊，這半日方回，如何這等哂笑，想救出師父來也？」行者道：「兄弟，雖不曾救得師父，老孫却得個上風來了。」沙僧道：「甚么上風？」行者道：「原來豬八戒被那怪假變觀音哄將回來，吊于皮袋之內。我欲設法救援，不期他着甚么六健將去請老大王來吃師父肉。是老孫想着他老大王必是牛魔王，就變了他的模樣，充將進去，坐在中間。他叫父王，我就應他；他便叩頭，我就直受。着實快活！果然得了上風！」沙僧道：「哥啊，你便困這般小便宜，恐師父性命難保。」行者道：「不須慮，等我去請菩薩來。」沙僧道：「你還腰疼哩。」行者道：「我不疼了。古人云：『人逢喜事精神爽。』你看着行李、馬匹，等我去。」沙僧道：「你置下仇了，恐他害我師父。你須快去快來。」行者道：「我來得快，只消頓飯時，就回來矣。」

好大圣，說話間躲離了沙僧，纵觔斗云，徑投南海。在那半空里，那消半个时辰，望見普陀山景。須臾，按下云头，直至落伽崖上。端肃正行，只見二十四路諸天迎着道：「大圣，那里去？」行者作礼毕，道：「要見菩薩。」諸天道：「少停，容通報。」时有鬼子母諸天來潮音洞外报道：「菩薩得知，孙悟空特來參見。」菩薩聞報，即命進去。大圣斂衣皈命，捉定步徑入里边，見菩薩倒身下

скинувшем
недоумённо брови,
рулою-герулой,
леткой-енкою,
в конце концов,
шасвернусом,
Пхенцем,
мокрым видо
и молочным бридо,
холе-кулз-неее,
Кикой с Кокою
из Мо-хо-го,
не
бу
дюном,

далее смотри
по У Чэн-эню :
«Путешествие на Запад»,
1959,
Москва.

1990

МАМА МАМ

(маргиналии к «Третьему Завету» А. Н. Шмидт*)

* Анна Николаевна Шмидт — корреспондентка Вл. Соловьёва, автор мистического трактата «Третий Завет», единственного её произведения. Сотрудничала с «Нижегородским листком» и «Волгарём».

нута душой Его, и душа Его гораздо больше проникнута Его духомъ, чѣмъ было у Адама даже до грѣха; (оттого духъ Его настолько увеличиваетъ и обновляетъ жизненную силу души, что душа, тѣсно и неразрывно соединенная съ тѣломъ, не дастъ ему разрушиться во вѣки вѣковъ и сама никогда не отдѣлится отъ духа). (Все это произвела въ Иисусѣ животворная очистительная сила Его страданій и смерти. чѣмъ и пресѣкла для Него разъ навсегда необходимость страданій и смерти тѣла въ будущемъ).

Дѣти Его по крещенію, какъ только возрождаются въ Немъ измѣненіемъ Его свѣта и свѣта Маргариты въ ихъ свѣтъ, то немедленно такъ же, какъ и Онъ при Своемъ рожденіи, уже не имѣютъ въ себѣ даже зародыша грѣха; ихъ духъ и душа мгновенно становятся такими же чистыми, какъ у перваго человѣка до его паденія, и духъ ихъ становится воистину самимъ собою; этого не могла бы достигнуть въ нихъ одна чистота Иисуса и они бы не могли тогда уподобиться Ему, достигаетъ же этого въ нихъ цѣлебная сила Его страданій и смерти, которая, какъ сильнѣйшее противоядіе очищаетъ ихъ; но и тогда еще остается въ нихъ способность болѣть и умирать, ибо очистительная сила искупленія Христова сперва дѣйствуетъ только на зародышъ грѣха, но не на зародышъ болѣзни и смерти, какъ и въ Немъ Его Божескій духъ уничтожилъ сперва только грѣхъ, а не смерть.

Смерть уничтожается въ нихъ тогда, когда войдетъ въ силу унаслѣдованная отъ Христа способность воскреснуть въ новомъ, одухотворенномъ тѣлѣ, и когда воскресшее тѣло ихъ получить отъ Него тѣ же самыя свойства вѣчной жизни, вѣчной неразрывности съ душой, и черезъ нее съ духомъ, какія имѣетъ уже Его тѣло.

„Первый человѣкъ, Адамъ, сталъ душею живущею; а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго“. (1 Кѡ. XV, 45—49).

Но и теперь, пока смерть еще дѣйствуетъ въ тѣлахъ крещеныхъ дѣтей Христовыхъ, она уже не имѣетъ для нихъ всѣхъ своихъ послѣдствій: внутри Маргариты душа ихъ ни-

Стѣжки-дорожки,
травки-муравки,
ямки-канавки,
ѣлки-палки,
солнце желтое,
коровка Божья,
полети на небо,
принеси нам
апельсин,
Анне Николаевне
скажи «спасибо».
Шмидт + Соловьѣв
равняется...
Объятія не кончаются,
занеже
не кончаются объятія.

Маги живота,
как пети ты,
как утренити к ти?
Грех горек
избывая,
тщусь
всечастно угодити,
прибегаю
к светоогненному
амофору,
ты бо ток слезам даѣши,
млеком доиши,
животним
млеком.

Ваше мнение,
партайгеноссе?..
Всѣ началось с того,
что трепет

трепегал,
коптила
копоть,
щипала
щёпотъ.
Архип осип.
Охрип
наш Осип Мандельштам:
наверно, Бродский
что-нибудь не так
накнокал.

И вот —
«грязь» Бунина,
«шум» Пушкина,
«запретный плод»
Анненского.

— Вы будете?
— Вы шутите...
— Да полноте.
— Ну знаете!

Москва Платонова,
«слезинка» Достоевского,
«глаза зелёные»
над полем Холина.

— Это которого?
— Из Лианозово.
— Его ж уволили.
— Нет, Вы не поняли.

Партайгеноссе,
мы у Вас,
как в туалете,
заперты.

когда не отдѣляется отъ духа и не выходитъ изъ души матери, оттого и отдѣленная отъ духа внѣ матери, усопшая душа ихъ, подъ вліяніемъ лучей, идущихъ къ ней отъ живой души, пребывающей въ матери, никогда не доходитъ до такой потери сознания какъ некрещеная душа, и жизнь ея самой, не прекратившись внутри Маргариты, постоянно снова сообщается ей.

„Истинно, истинно говорю вамъ, кто соблюдетъ слово Мое, тотъ не увидитъ смерти во вѣкъ“, сказалъ Христосъ объ этомъ, т. е. не только не увидитъ смерти послѣ воскресенія, но и раньше воскресенія тѣла отчасти не увидитъ ея, вслѣдствіе непрерывнаго общенія духа съ душой, черезъ Маргариту.

Но благодатнымъ дѣйствіемъ крещенія пользуется только тотъ, кто принеситъ плоды его и самъ не нарушаетъ своего общенія съ Рафаиломъ-Христомъ и Маргаритой. Общеніе это дается во время таинства крещенія всѣмъ одинаково, но всякій можетъ или сохранить, или нарушить его.

„Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ“, сказалъ Іисусъ, т. е. пребудьте во Мнѣ младенческимъ духомъ вашимъ, погруженнымъ въ Меня, а Я пребуду въ васъ обрученіемъ Моего духа съ вами (черезъ образъ Маргариты, съ двухъ сторонъ облегающій Его образъ). (Это послѣднее соединеніе свойственно и безъ крещенія каждому духу, и ангелу, и человѣку, и при рожденіи дается каждому, какъ было еще до сотворенія міра, такъ что и не знающій истиннаго Бога по природѣ, отъ рожденія, имѣетъ въ себѣ изображение Его и Церкви Его, пока не потеряетъ ихъ по своей винѣ). (Пребываетъ же во Христѣ и Христосъ въ немъ только тотъ, который остается самимъ собою, какимъ родился крещеніемъ отъ Него, и который, живя по слову Его, не допускаетъ зло внутри самого себя).

Крещеніе ставитъ человѣка въ такія условія жизни, что онъ уже не имѣетъ необходимости бороться съ грѣхомъ внутри себя, ибо внутренно онъ съ минуты крещенія совершенно чистъ; онъ уже не потомокъ Адама, а родной сынъ Рафаила-Іисуса.

Но такъ какъ зло уничтожено только внутри новокрещенаго, а не внѣ его, въ другихъ людяхъ и въ самомъ мірѣ тѣлесномъ, то зло немедленно стремится проникнуть въ него опять, извнѣ его. Не пустить это зло въ себя и остаться на всегда такимъ же чистымъ, какъ въ минуту крещенія,

для сына Христова вполне возможно; что было невозможно для имѣющаго наследственный зародышъ грѣха въ себѣ, такъ что трудно было даже не дать ему разродиться, а не только искоренить его въ себѣ, до полной чистоты, то возможно для не имѣющаго грѣха по наследству.

Но и это возможное охраненіе себя отъ внѣшней заразы почти никогда не удается человѣку. Онъ все-таки тѣмъ или инымъ путемъ заразится отъ существующаго зла и начинаетъ грѣшить снова, уже не наследственно, а лично, за свой счетъ.

Большекъ частью человѣкъ впадаетъ въ грѣхъ вслѣдствіе разныхъ страданій, которымъ подвергается въ испорченномъ мірѣ; (онъ малодушествуетъ, не возносится душой къ духу своему, а духомъ къ возрожденному на небесахъ своему духу, и въ ослабленный уныніемъ, падающій духъ легко проникаетъ зараза). Тогда лучи, связывающіе земного человѣка съ нимъ самимъ, крещенымъ на небесахъ, блѣднѣютъ и тѣмъ больше человѣкъ грѣшитъ, тѣмъ слабѣе дѣйствуютъ: если же человѣкъ грѣхами своими совершенно искажаетъ свой личный образъ, такъ что въ немъ уже появляется *изнанка* его самого,—ибо каждый свѣтлый духъ ангельской природы имѣетъ въ мірѣ тьмы свою изнанку, какъ сатана послѣ паденія своего есть изнанка себя самого до паденія, и отъ человѣка зависить никогда не осуществлять этого другого образа своего—тогда соединительные лучи совсѣмъ прерываются, и токъ свѣта ихъ больше не дѣйствуетъ на человѣческій духъ.

Но пока человѣкъ въ тѣлѣ, эти лучи могутъ опять сомкнуться, и этотъ токъ можетъ возобновиться отъ раскаленія и обращенія его; если же смерть застигнетъ его разобщеннымъ съ самимъ собою, и лучи его прерванными, и токъ свѣта не дѣйствующимъ, и образъ Божій, обрученный съ нимъ, исчезнувшимъ изъ него, тогда ужъ для него нѣтъ надежды: онъ погибнетъ отъ недостатка общенія съ Христомъ и отъ неимѣнія наследства жизни вѣчной: „Кто не пребудетъ во Мнѣ, извержется вонъ и засохнетъ, какъ вѣтвь, а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ горятъ“.

Внутри Маргариты младенческій духъ каждаго человѣка всегда остается свѣтлымъ и непорочнымъ, и какъ только смыкаются лучи его, такъ эта непорочность его самого благодатно и цѣлбно дѣйствуетъ на грѣшника.

— Откройте!

— Занято.

— Откройте!

— Занято.

Нас не было нигде,
мы жили на звезде
у Вечной Женственности
в животе.

Не было никакого
татьяниного письма,
гадания людмилиного,
тамариного ожидания,
Аэлиты с Марса,
Маргариты с Арбата,
леди Макбет
не из Мценского уезда,
Незнакомка — Блока
выдумка,
Шаганэ шагает по
планете —
где вы,
девы
Евы?

Каша манная
да ночь туманная...
Мати, льнёт к тебе
всяка зелень
травная,
тя поёт
всяка
птаха малая,
ничего, светловенчанная,
кромѣ тя
не живёт

по-настоящему:
только ты и есть,
то, что есть —
лишь часть
твоего желанія,
ожиданія
пробужденія.

Вот и стол
пошёл.
Стол пошёл,
пошёл,
пошёл-пошёл-пошёл...
Стол пошёл!

Огонёк
огонёк
огонёк
огонёк —
это поезд бежит на восток,
это поезд бежит
и усами шевелит
(рельсами шевелит)
и шипит.
Человек
человек
человек
«Чик —
и нет человека, —
как сказала
гусеница
водомерке, —
яко цвет сельный
дние его».
Сказала
и уползла.

При разобщеніи его съ самимъ собою, средствомъ для изгнанія изъ него допущеннаго въ него зла, какъ бы противоидіемъ отъ заразы, имъ воспринятой, служить опять страданіе, терпѣливое, добровольное и съ сознаниемъ его заслуженности; оно обновляетъ духъ человѣка и снова приближаетъ его къ самому себѣ, а чрезъ то и къ общенію съ Христомъ, такъ какъ въ крещеномъ человѣкѣ зло не наслѣдственно, то покорное страданіе его можетъ безслѣдно изгнать зло изъ него, до первой первобытной его чистоты. Не *искупительную* силу имѣютъ для согрѣшившаго человѣка его страданія, ибо искупить его отъ грѣха и смерти могли только страданія Христовы, а *возсоединительную* силу, для того, чтобъ въ немъ снова могло дѣйствовать искупленіе Христово,

(и чтобъ духъ его снова почувствовалъ наслѣдственную отъ Христа склонность свою къ добровольному страданію и самоотверженію, предохраняющему отъ грѣха, и потому всегда полезному для человѣка, даже если онъ еще не грѣшилъ).

§ 12. До общаго воскресенія, дѣти Рафаила и Маргариты по крещенію пребываютъ въ нихъ только духомъ и душой, какъ при жизни ихъ въ плотскомъ мірѣ, такъ и послѣ смерти, въ безплотномъ мірѣ.

Потому Рафаиль и Маргарита, не рождая еще сложнаго, внѣшняго тѣла своихъ дѣтей, и сами до извѣстнаго времени сочетались другъ съ другомъ только свѣтовыми частями. (Воскресшія же внѣшнія тѣла ихъ были еще чужды этого соединенія). При жизни Маргариты на землѣ, въ ней, по общему закону женщины четнаго духа, какъ только она достигла своего предѣла, четырнадцати лѣтъ, зародился отъ Иисуса, пребывавшаго въ ней, сынъ ихъ, духъ четный, имѣющій жену, сокровенно пребывающую внутри его; но такъ какъ она съ Иисусомъ плотью не сочеталась (ибо окверненный грѣхомъ бракъ по плоти былъ бы недостойнъ Его), то сынъ ея не рожденъ отъ нея, а остался въ ней до ея смерти зарожденнымъ духомъ, душой и свѣтовымъ тѣломъ. (Духомъ онъ зародился отъ обоихъ естествъ Иисуса, отъ Божескаго и отъ человѣческаго, а животной душой и свѣтовымъ тѣломъ отъ Его души и свѣтового тѣла, вслѣдствіе невидимаго сочетанія Его съ Маргаритой всѣми этими частями Его существа). Когда она воскресла въ третій день, то свѣтовое тѣло

этого Сына ея снова зародилось въ ней, (и съ тѣхъ поръ и свѣтовымъ тѣломъ она сочетается съ Христомъ, какъ и до смерти ея было, что имѣеть значеніе только для жизни этого сына ея, но для дѣтей ея, возрожденныхъ крещеніемъ, имѣеть значеніе одно сочетаніе ея души и духа, ибо свѣтовое, образное тѣло ихъ также еще не рождается отъ нея, какъ и сложное, виѣшнее). Остальнымъ же составомъ, не свѣтовымъ, она до времени еще не соединялась съ Христомъ, почему и сынъ Его еще не родился отъ Него; (онъ не родился отъ Него ни одною частью своею, не исключая духа, а все еще пребываетъ только внутри матери), ибо ему надлежитъ тогда лишь появиться и духомъ внѣ ея, когда отъ Христа и отъ нея родится сама виѣшняя плоть его. Это будетъ не за долго до кончины міра, которой непременно должно предшествовать рожденіе его.

„И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ (колѣнъ Израилевыхъ, возрожденныхъ въ ней). Она имѣла во чревѣ и кричала отъ боли и мукъ рожденія“.— „И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его“. (Апокалипсисъ, XII, 1. 2. 5). Это пророчество относится именно къ будущему рожденію сына Иисуса Христа и Маргариты.

До того времени, какъ этому надлежало сбываться, она была духомъ и всѣми свѣтовыми частями женой Иисуса Христа, (какъ и отъ вѣка была женой Его Божественнаго Духа своимъ предвѣчнымъ духомъ); но виѣшнимъ, не свѣтовымъ составомъ, она была только Его невѣстой; оттого Св. Писаніе много разъ называетъ Иисуса Христа женихомъ, а церковь невѣстою, и Самъ Онъ, говоря о Себѣ, называетъ Себя такъ.

Въ настоящее время приблизилось рожденіе сына ихъ, предвѣщающее кончину міра, и Маргарита уже зачала самую плоть его; ибо она теперь еще болѣе сдѣлалась женою Сына Божія, и лишь самою послѣднею частью существа своего осталась Его невѣстой.

Воскресшее тѣло Иисуса Христа, по которому Онъ названъ небеснымъ, а не перстнымъ человѣкомъ, во многомъ не такое тѣло, какое Онъ имѣлъ до Своей смерти. Имѣя свойство

Так и оказалось:
дни

были и сплыли.

Алилуия

и так далее,

алилуия

и тому подобное,

алилуия

алилуия

алилуия.

Давайте воскрешать отцов,
причѣм не как-нибудь —
в музее-храме с вышкой.

— Сестра, воды.

— Докуривай, браток.

— Вы уже слышали?

— А Вы не слышали?

К нам едет ревизор.

Инкогнито.

— Кого-кого?

— Того.

— Жемчужной россыпью,

надвьюжной поступью,

партайгеноссе,

неужели

Вы нас здесь

вот так вот

и прикокнете?

Тогда послушайте

историю

о том

как всё устроено:

незрима

сфера небесна

вкруг солнца

вершит
 ход свой,
 внутрь же
 солнца
 земля неприметна
 лиёт
 свет нездешен.
 В сём свете
 зри
 яко небо
 солнцу подобно
 вкруг
 земли той
 вершит
 ход свой.

Замри и зри,
 как некогда на площади.
 И ведь (ёж тебе в клѣш)
 не выползешь даже,
 и ведь против лома
 нет приёма
 (вот в чём дилемма).
 Ни за что
 ни про что,
 ни за грош
 ни за полушку,
 за пальто,
 за воротник коверкотовый,
 за испод,
 за кота в мешке,
 за джамблей
 в решете,
 за просто так, что ли,
 людей к стенке ставить —

безсмертія, вслѣдствіе того, что оно болѣе проникнуто началомъ жизни и тѣснѣе соединено съ душою и духомъ, оно имѣетъ еще новое свойство *проницаемости*, дѣлающее его сходнымъ съ духовнымъ веществомъ или съ невидимымъ плотскимъ свѣтовымъ.

При явленіяхъ Своимъ ученикамъ послѣ воскресенія, Іисусъ свободно проникалъ тѣломъ Своимъ черезъ запертыя двери, внезапно представлялся имъ среди комнаты при запертыхъ дверяхъ и также внезапно исчезалъ. О томъ, что и всѣ другія тѣла, по наслѣдству отъ Него, не такія будутъ въ переустроенномъ мірѣ, какъ теперь, апостолъ Павелъ подробно и ясно говоритъ: „Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ во славіи; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ“. — „Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія (т. е. въ теперешнемъ видѣ) и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся. Вдругъ, во мгновение ока, при послѣдней трубѣ либо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, и мы измѣнимся. Когда же тлѣніе сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: поглочена смерть побѣдою“. Эти мгновенно измѣнившіяся тѣла будущаго міра будутъ невидимы для нынѣшняго смертнаго глаза человѣческаго, вслѣдствіе новыхъ свойствъ своихъ.

Впрочемъ весь составъ человѣческаго тѣла будетъ тотъ же самый, какъ и теперь, и все устройство его будетъ почти такое же, съ костями, жилами, мозгами, мясомъ, кровью и кожею, и сравнительная степень плотности всѣхъ этихъ частей тѣла между собою будетъ та же самая; но свойства этого тѣла, нынѣшней природѣ неизвѣстныя, поставятъ его во многихъ отношеніяхъ на одну ступень съ духомъ.

Къ такимъ свойствамъ будетъ принадлежать и проницаемость тогдашнихъ тѣлъ, подобно свѣтовымъ тѣламъ, они будутъ способны совмѣщаться съ другими веществами и между собою; извѣстно, что и воскресшее тѣло Іисуса стало проницаемымъ. Когда Онъ дѣлался видимымъ и осязаемымъ для Своихъ учениковъ, это происходило оттого, что частицы Его тѣла, по волѣ Его, дѣлались менѣе подвижными, и въ нихъ пріостанавливалось дѣйствіе законовъ будущей при-

роды, а потому тѣло Его и дѣлалось на время доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ смертныхъ людей; когда же Онъ исчезъ у нихъ изъ виду, то тѣло Его мгновенно теряло всѣ прежнія свойства свои, бывшія до воскресенія, и снова становилось причастнымъ новому міру своему, уходило въ свой міръ.

Маргарита ни разу видимой и осязаемой не дѣлалась, и все время, когда Онъ не показывался ученикамъ Своимъ, до вознесенія Своего, Онъ былъ на землѣ съ нею, и могъ бывать и близко къ ученикамъ Своимъ, только они этого не знали.

Посредствомъ этой-то проницаемости ихъ теперешнихъ тѣлъ, въ недавнее время совершилось болѣе тѣсное соединеніе ихъ, достаточное для рожденія ихъ сына, предсказаннаго въ Апокалипсисѣ: сердца ихъ вошли одно въ другое, и кровь ихъ слилась (и кровообращеніе ихъ на это время стало общимъ, соединеннымъ); это было сочетаніе крови ихъ, (повторяющееся теперь каждый разъ при сочетаніи ихъ духа), и отъ этого соединенія ихъ крови долженъ родиться ихъ сынъ, тѣло котораго Маргарита зачала.

(Потому теперь не только духовнымъ и свѣтовымъ составомъ, но и кровью она ужъ сдѣлалась женой Иисуса; только плотью она еще Его невѣста).

Когда же наступитъ время воскресенія мертвыхъ, то тѣла ихъ, по своей легкости, подвижности и проницаемости, сольются, повторенныя одно въ другомъ, и какъ духомъ и душой такъ и всею плотью они будутъ другъ въ другѣ Онъ въ ней и она въ Немъ, двумя существами въ одной плоти.

(Это будетъ благодаря тому, что) воскресшее тѣло, кромѣ свойства проницаемости и совмѣстности, имѣетъ еще то общее свойство съ духомъ, что можетъ повторяться, вслѣдъ за духомъ въ одно время въ разныхъ мѣстахъ;

ибо подвижность частицъ его весьма велика; какъ Христосъ произвольно могъ уменьшать и увеличивать внутреннюю подвижность частицъ Своего тѣла, такъ всякое, по образцу Его, воскресшее тѣло, можетъ посредствомъ повторенія однихъ и тѣхъ-же частицъ появляться одновременно въ разныхъ мѣстахъ и посредствомъ прекращенія этого повторенія снова быть только въ одномъ мѣстѣ (кромѣ своего постоянного пребыванія въ какомъ либо другомъ существѣ).

это Вам что?

Штандартенфюрер СССР,
меняйте флюгер.

Дядю помните?

«Забил зарядъ я
в тушку Пуго»-
это кто сказал?

О, Отечество Небесно,
Красота Нелестна,

мама родная
папы римского
и попа московского,
голубица ли,
лилея ли,
Маргарита ли,
София ли —

ты всего естественного
связь единственная,

как у Кропивницкого:
весна во сне,

сна переливчатость
в Москве,

мы в синеве

Москвы,

а небо

будущим беременно,

мы, значит,
зачаты в тебе, —

не будетляне,

но под танками

какая разница

гвы ять ли кыхал обак

или раскыхал обак ять

не гвы?

Во облацах ли узрим тя,

Иерусалиме Верных?
 Пажить Неоранна,
 нас здесь, кажется,
 уничтожают.
 Разродись,
 спаси нас,
 возведи горе,
 где новые
 земля и небо,
 патриарси и апостоли,
 пророцы,
 доктор философии
 и репортёрша «Волгаря» —
 не больше
 и не меньше.

И розы свежи,
 и нарциссы
 тоже хороши,
 но всё ж
 она была пригожей.
 Тих и чуден
 Днепр —
 он был чудней,
 прозрев
 нетленную порфиру
 (как на Фаворе говорят:
 «Не смеют, что ли,
 командиры?»)

— Ты видел свет?
 — Я видел БЕСПРИМЕТ.
 — Ты слышишь смех?
 — Я слышу ЭХОСМЕХА.

Достаток

Тогда возрожденныя дѣти Христа и Церкви почувствуют себя, чрезъ мать свою, не только въ душѣ и духѣ Христа, но и въ воскресшемъ тѣлѣ Его, въ томъ экземплярѣ его, который невидимо будетъ заключаться въ тѣлѣ ихъ матери.

При этомъ въ усопшихъ душахъ дѣтей ихъ тотчасъ увеличится начало жизни, и души ихъ снова соединятся съ духомъ, и облекутся въ нетлѣнныя тѣла, частицы которыхъ онѣ соберутъ вокругъ себя изъ окружающей природы, 1) со всѣми ихъ прежними личными свойствами, 2) [со всѣми относительными качествами простѣйшихъ свѣтовыхъ началъ, 3) но и съ новыми наслѣдственными свойствами: *проницаемости, совмѣстности и подвижности*]; и тотчасъ, подобно тому, какъ душа и духъ ихъ возрождены во Христѣ чрезъ Церковь, возродятся въ Немъ чрезъ нее и тѣла ихъ:

тѣло каждаго изъ нихъ будетъ повторено въ младенческомъ возрастѣ;

каждый человѣкъ воскреснетъ въ томъ возрастѣ тѣла, который соотвѣтствуетъ предѣлу возраста его духа, хотя бы онъ его не достигъ на землѣ, или хотя бы пережилъ его; кромѣ того онъ будетъ одновременно жить и внутри Маргариты младенческимъ тѣломъ, каковъ бы ни былъ его возрастъ внѣ ея.

По совмѣстности воскресшихъ легкихъ тѣлъ, которую они равны духовному свѣту, всѣ эти младенческія тѣла *тысячами тысячъ* пребудутъ въ Маргаритѣ въ томъ же положеніи, какъ и духъ ихъ, не мѣшая одни другимъ, и произвольно могутъ быть видны въ ней одни чрезъ другія и могутъ быть не видны, несмотря на постоянно одинаковую прозрачность тѣла ихъ матери.

Этимъ пребываніемъ въ родителяхъ своихъ Христѣ и Церкви воскресшіе люди будутъ постоянно чувствовать въ себѣ обновленіе жизни вѣчной, обновленіе бодрости и радости духа и тѣла, и чрезъ это сама плоть приобщится къ духовной природѣ, по которой родители не разъ навсегда производятъ жизнь своихъ дѣтей, а постоянно все снова поддерживаютъ и обновляютъ ее.

Сочетаясь свѣтовыми изображеніями своими, духовными и плотскими, Рафаилъ и Маргарита, однажды соединившись другъ въ другѣ тѣлами, будутъ сочетаться и всѣми части-

цами подвижной плоти и крови своей, которая так же, как и духъ, будутъ извѣстное время изливаться однѣ изъ другияхъ и снова погружаться однѣ въ другія. Это движеніе тѣлъ ихъ, черезъ правильныя промежутки времени, будутъ отдаваться во всѣхъ воскресшихъ и возрожденныхъ людяхъ, во всей церкви—общинѣ, черезъ младенческія тѣла ихъ, и они будутъ въ это время чувствовать въ себѣ приливъ обновленной жизни.

Это и будетъ тѣмъ „бракомъ Агнца“ и „бракомъ царскаго сына“, тѣмъ полнымъ соединеніемъ Христа съ Церковью, при наступленіи жизни вѣчной, о которомъ такъ часто говоритъ Св. Писаніе, называя это великой тайной.

Но ни одно ощущеніе плоти не только не будетъ чувствоваться отдѣльно отъ духа [чего не было и у Адама до грѣха], но не будетъ безъ того, чтобъ не поглощалось вполне ощущеніемъ духа; всю жизнь своей плоти, и питаніе и дыханіе, и обновленіе во Христѣ человѣкъ будетъ чувствовать только черезъ духъ свой, [а непосредственныя жизненныя отправленія плоти не будутъ прямо дѣйствовать на чувства его, но будутъ только поддерживать связь плоти съ душой и духомъ].

Младенческія тѣла дѣтей Маргариты молокомъ тѣла ея будутъ питаться внутри ея, какъ питается и духъ ихъ.

13. Кто ко дню воскресенія не пребудетъ духомъ въ ней, и чьи прервутся соединительныя лучи съ самимъ собою, и чей духъ извернется изъ нея, тотъ воскреснетъ не по наслѣдству жизни отъ Христа, а внѣшнею силою Божьею, которая соберетъ тѣло его, и такое тѣло, не живущее въ Маргаритѣ, вмѣсто того чтобъ снова и снова обновляться черезъ нее, будетъ снова и снова разлагаться, по нечистотѣ своего духа; но соединеніе трехъ составовъ человѣческихъ все-таки не нарушится, разложившееся живо тѣло снова соберется и снова разложится, и духъ, душа и тѣло будутъ мучиться одно другимъ.

Воскресеніе во Христѣ есть непрерывная жизнь; воскресеніе внѣ Его есть непрерывная смерть, смерть не разъ навсегда, а повторяющаяся.

Кто причастенъ жизни вѣчной и не умретъ еще ко дню воскресенія, тотъ измѣнится мгновенно въ легкое, пронизываемое и подвижное тѣло, невидимое нынѣшнему глазу;

был шаток,
миг встречи
был краток,
промчались
дни без возврата,
остались
мухи

в паучьем окне,
гниющие книги,
сушеные фиги,
слоенные люди
из горнего света
и третий завет.

Моря Чёрного в пучине
бегут волны сини,
чудну песню
по-над бездной
поют хоры звездны —
всё это, художница,
твоё во множестве.
Шило на мыло,
вожжи на дрожжи,
крендель на пендель, —
без тебя не вем
творити ничесоже.
Тянут мрежи
рыбаки вдоль берега,
мы не рабы,
рабы не мы,
мы рыбы-кити,
дуси-свети,
сынове человечестии
и, честное слово,
все вместе:
шестикрилатии серафими,
многоочитии херувими,
и телом, и духом,

и ухом, и рылом
 (выпь ли гикнет,
 неясить ли аукнет)
 просим тя,
 в себе два естества
 совокупльшая
 всем мамам мама:
 верни нас слову,
 слово — в музыку,
 соедини нас
 купно с Муму,
 сведи концы с концами,
 кольца с кольцами
 (гвоздочек посреди —
 залогом нашей встречи),
 чикни — «чик»,
 и то сказать,
 был прав Василь Васильч:
 всё держится
 на честном слове.

Жанна д'Арк,
 Сарра Смит,
 Анна Николаевна Шмидт.
 Стой! Кто идёт?
 Дождя стена.
 Гроза имени Соковнина.
 Соловьиный сад.
 Страшный Суд.
 Что в Большом дают?
 «Кошкин Дом».
 Пожар.
 Декорация третьего акта:
 Волга, Ока,
 и акация на Оке,
 и акация на Оке в окне.

нѣмѣнится онѣ вслѣдствіе прилива жизни, который сообщится ему отъ крещенныхъ на небесахъ духа и души его когда они почувствуютъ себя въ соединенныхъ тѣлахъ Христа и Церкви.

Легкость и проницаемость всѣхъ младенческихъ тѣлъ внутри Маргариты будетъ одинакова, и они будутъ степенью прозрачности равны ея собственному тѣлу, но прозрачность и подвижность, и вслѣдствіе этого большая или меньшая жизненность взрослыхъ тѣлъ ихъ внѣ ея будетъ не одинакова и не равна съ нею.

„Когда ты съешь, то съешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому съмени свое тѣло. Не всякая плоть такая же плоть: но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя, и тѣла земныя: но иная слава небеснымъ, иная земнымъ. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ“. [1 Кѣ. XV. 37—42].

[Потому неравное совершенство духа человѣческаго будетъ обнаруживаться и неравнымъ совершенствомъ плоти, какъ и все въ будущемъ вѣкѣ будетъ подчинено духу].

Въ тѣлѣ человѣческомъ, пропитанномъ духомъ и имѣющимъ жизнь вѣчную, все будетъ не только чисто, какъ было до грѣхопаденія въ нынѣшнихъ твердыхъ тѣлахъ, когда ни выдѣленія, ни внутренности тѣла не имѣли ничего отталкивающаго, но все будетъ прекрасно и славно, какъ прекрасно и славно все внутри духа, гдѣ каждый слой его способствуетъ его общей красотѣ и славѣ, [напр. глаза, вслѣдствіе многихъ повтореній въ обѣ стороны внутри духа, получаютъ снаружки его безконечно глубокой взглядъ]. Такъ и въ тѣлѣ, причастномъ жизни вѣчной, все будетъ не только полезно и цѣлесообразно, какъ оно есть и теперь, при глѣнной и немощной его природѣ, но все будетъ такъ же привлекательно для внѣшнихъ чувствъ, какъ и у духа, не исключая выдѣленій тѣла, которыя при всемъ разнообразіи будутъ, по дѣйствию на внѣшнія чувства, подобны теперешнему чистому здоровому воздуху]. Они будутъ сливаться со свѣтовыми выдѣленіями духа и соответствовать имъ.

Наоборотъ, въ тѣлѣ, не причастномъ жизни, даже и то

РЕЧЬ ИДЁТ

(маргиналии к Французской Книге*)

*Основной источник, на который опирается в «Смерти Артура» Томас Мэлори, однако, до сих пор неизвестный исследователям.

Петушок или курица?

«Мыльница» или «каблук»?

Красная — ЛЕА.

Зелёная — МЕА.

«Чайка» чиркнула крылом по «Волге».

Редкая птица долетит до середины Днепра.

Центр.

Центр Слуха и Речи.

Московский областной комитет профсоюза работников рыбного хозяйства в Хрустальном переулке.

Редкая рыба доплывёт до середины Оки.

Как широка ваша река?

Наша река широка, как какао.

How many cans can a canner can?

Колобок-колобок, я тебя съем.

Голубок-голубок, куда полетим?

Татар-матар,

таджик-маджик,

шахер-махер,

Миклухо-Маклай...

А Гагра?

А магазин?

А керосин?

Ах, мой милый Августин...

Ночь.

Мышь.

Дочь.

«Эни-бэни-раба»

значит

«я тебя люблю»

значит

«квинтер-винтер-жаба»

значит

речь
идёт.
Речь идёт
(о ком? о чём?)
О нас с тобой,
о нём, о ней,
о тебе с ними,
идёт
(где?)
в Москве
(а именно?)
под круглым столом,
между
(кем? чем?)
Мерлином
и Талиессинном.

И Карабас-Барабас,
и Карабах
в гробах-коробах,
и Алиса в городах,
и вонь в домах -
всё это так,
но где же он, Саррас?
Вас ист дас, Вэндерс?
Ах, какой контраст!
Какой хвост
у виноводочных
и особенно
у сберегательных касс,
какой свист
в карманах
и звон

в ушах...
Москва — пустота,
но не просто,
а «пустота-мама».
Тем и жива,
как Срединная Империя
и братство Круглого Стола :
Брусильянд без границ,
море без конца,
облака, облака
Вообщем,
всё бы ничего,
да вот говно...
Говна много,
и гестапо заодно
(думал,
наступил
в говно,
а попал
в гестапо).
Я говорю :
«Эни-бэни-раки-таки»
значит
«Уильямс хороший писатель»
значит
«буль-буль-буль-караки-шмаки»
значит
речь
идёт.
Речь идёт
(когда?)
в 992-ом
(а точнее?)
в 537-ом

(с, без) отягчающих обстоятельств
идёт
(по причине)
а) неуместной посылки
этих стихов
в) переноса тел убитых
на остров Яблок.

Хренотень,
хреновина,
хренация,
или, как говорится,
хрен редьки не слаще.
Федеративная республика.
Дегенеративная проститутка.
Нет ни хрена,
но есть
метаномическая катахреза.
Вот и чудю (чужу),
бузю (бужу),
дудю (дужу),
шкодю (шкожу),
вяжа и рвя,
стрижа и шья,
пахня,
пухня,
ростя и ростя,
нахожу
в русском языке
самую
национальную
фразу :
«Как на тоненький ледок

выпал беленький снежок,
Ой, люли-люли...»
или как у Мандельштама :
«Шли нестройно люди, люди, люди...»
Институт благородных девиц.
Школа наёмных убийц.
«Интернациональная помощь»
не в Венгрии,
так в Абхазии,
не в Чехословакии,
так в Таджикистане...
Когда же они перестанут?
Или мало им?
Или, как обмолвился
экс-президент :
«Рано, рано
нам расставлять ещё
точки над «и» (i),
мы расставим
многоточия (i')»?
Я говорю :
«Эни-бэни-рэс»
значит
«Судный День»
значит
«квинтер-винтер-жэс»
значит
речь
идёт.
Речь идёт
(как что?)
как суд.
Все встают
(сидеть всю жэ

в глубокой жэ -
кому же это пэ?),
но не все понимают :
идёт
(чему в ответ?)
началу.
Тварь стенает,
ветер завывает.

— Эй!
— Ой!
— Меня слышно?
— Нет!

Крот кроток,
жук жуток,
а бабочка — она вообще что?
Крушение миров
и копошение микробов.
Но это не страшно,
и ты не бойся,
затеряйся
в маргиналиях
к Французской Книге,
написанных
по-английски,
по-русски,
по-нанайски,
тем более,
что её никто не видел
(но она есть :
ведь есть же Мэлори,
есть Уильямс,

есть мы в Москве,
ведь идёт же речь
и здесь,
и у тебя в Париже).
А когда
ты её дочитаешь,
окажется,
что Французская Книга
была написана
про нас,
но это — потом,
а пока...
а пока
апокалипсис,
и не спрашивай
«кто виноват» :
виноват Аминь,
ну, и ещё я,
всё остальное -
чечня и гамсахурдия
или, как сказали бы
у бывшего
пивного ларька :

-Гуд бай, раздолбай...
Ауфидер, пидар...
Нет, стой!
Ты «спасибо»
забыл сказать.
— Спасибо.

Еще 3 поэмы

Жолтая птичка

Там Русью пахнет,
там ханты-манси,
там скоро жахнет,

там ходят в трансе
колонны пьяниц
в пустом пространстве,

там тщится палец
из попы вынуть
американец,

бродя в полыни
в противогазе,
там скоро хлынет,

сиротка Хася
там пьёт остатки,
там путь опасен,

там взятки гладки,
трехчлен квадратный,
и всё в порядке.

Там зять проходит
у дома тёщи
и в окна шкодит,

там Гоголь хочет
остаться мёртвым,
живя наощупь,

призывом гордым
к свободе вечной

там от абортот

родится нечто
в его шинели
и спит беспечно,

пока из щели
не выйдут дрожжи
поползновений,

великих множа,
и гад ползучий
взлететь не сможет.

— Скажи-ка, дядя,
не мы ли скифы,
в глаза мне глядя.

— Нет, мы не скифы.
— А кто же скифы?
— Никто не скифы.

— А как же скифы
с раскосой рожей?
— Да так и скифы

что непохожи,
а мы похожи:
мы люди Божьи.

Там чудь с калмыком,
манегр с якутом
и ныне дики,

на берегу там
торчит запонка,
а по закутам

идёт возгонка,
пока не вяжут
хмыря-сучонка,

он всем покажет
клеша и шляпу,
он всё расскажет:

как маму с папой
зарезал финкой,
как после плакал,

но под сурдинку
топил в глубинке
сестру-кровинку.

Из-под моста там
себе на гибель
ползёт хвостатый

немецкий лидер,
не вор — не пойман,
Иосиф Гитлер,

его дрекольем
пытают наши
и поят пойлом

пока не скажет,

что был евреем,
а стал чувашем,

там свет не греет
у лукоморья,
там след звереет,

ведя в подполье
к спитой крамоле
на хлебосолье.

На дне оврага
СПЕЦГОЭЛРО там
ПОТРЕБГУЛАГа,

там ГОСПРИРОДА
в ЧЕЛОВЕК-ЧАСье
исходит потом,

пока из грязи
не выйдет боком
ЖИЛТРЕСТПРОМСЧАСТЬЕ,

пока дорога
не хлынет горлом
СОЮЗПОТОКа,

ЗАМКОМПОМОРДу*
там ДАЗДРАПЕРМА**
вручает орден

к 100-летью НЭПа

* ЗАМКОМПОМОРД - ЗАМеститель КОМиссара ПО МОРским ДелаМ (должность).

** ДАЗДРАПЕРМА - ДА ЗДРАВствует ПЕРвое Мая, (имя).

по ГОСТу неба
за горстку хлеба.

— А, ты пришёл, брат...
— Да, исповедать.
— Благодарю, брат.

Хочу поведать
тебе о том, брат,
что смел наделать.

— Ну, говори, брат.
— Я смел наделать
что говорю, брат.

— Так что же делать,
как не поведать?..
— Не говори, брат...

Там торч и таска,
там на приходе
ништяк и тряска,

там джеф разводят
на марганцовке,
там леший бродит,

там круче ломки,
когда кидают
на пол-коробки,

там грызло жарят
на ацетоне,
там всех кумарит,

там на ладони
траву мастырят
и дрянь готовят,

там влом машине
узлы и дыры
искать по жиле.

Больному врач там
глядит в отверстие,
читая мрачно

в клочке «Известий»
блатные строки
народной песни,

сорвав уроки,
там мальчик Вова
сидит на стройке,

ища Петрову
среди отбросов
на шею провод,

там, как Морозов,
отец солдата
от крови розов,

спина мента там
плюёт томатом
и кроет матом.

Там с толстым плавать
должна худая,
там вяжет лапоть

жена Мазая,
в проём оконный
переползая,

там у зелёной
ограды раком
стоит смущённый

иеродьякон,
там зайцы тонут
за буераком,

там крик и стоны,
там Ржевский ищет,
сорвав погоны,

кровавой пицци,
там ветер свищет
на пепелище.

— Ведь день грядущий
нам всем готовит,
чтоб было лучше?

— Нет, он готовит,
чтоб было хуже,
и приготовит.

— А почему же
мы ждём, чтоб лучше?
— Да просто — лето,

к тому же — Пушкин,
и, кстати, — Лермонтов,
гуси, снег...

Там чукча тянет
на юагира,
там ухо вянет,

там палы-выры,
нет, там не зыко,
там не до жиру,

там в каждой книге
цветут маразмы,
и зреют фиги,

там 6 согласных,
крепясь, друг другу
снимают спазмы,

там терпит муку
герой-Чепурный,
обняв дерюгу,

вздыхая бурно
и нецензурно
в тоске амурной.

В дыму пожара
там в то же время
качает жалом

младое племя,
на перепутье
роняя семя,

там кормят грудью
орлят бескрылых,
там что-то будет,

там встать не в силах
лежащий камень,
там крокодилу

значок терзает
больную попу,
там сука лает,

из гардероба
на всю Европу
срывая злобу.

Там летом в поле
видать далече
орла на воле,

там искалечен
звездой падучей
товарищ женщин,

и там в падучей
трясёт кого-то
несчастный случай,-

про идиота
потом он пишет,
там душит рвотой

мальчиш-Плохиша
семья и школа,
там мокрый чижик

уже не молод,
там серп и голод,
там смерть и холод.

— Я жив и знаю:
ведь ты бессмертна,
душа,— я знаю.

— Да, я бессмертна,
но ты не знаешь
как я бессмертна.

— И не узнаю
уже, наверно?
— Да нет, узнаешь:

ведь я бессмертна,
и я бессменна
одновременно.

Там шум клозета —
большое дело,
там ждёт ответа

птах Филомела
от птицы Проклы,
а та несмело

по крыше сопли
несёт на помощь
удоду-рохле,

в глухую полночь
там всем не спится,
там хрен — не овощ,

там ловят птицу
глухие совы,
там едет в Битцу

участник ВОВы,
согнув в подкову
живое слово.

Малютки чорта
там всех страшнее,
там козья морда

с петлёй на шее
в районном морге
деревенеет,

там повар ноги
в компоте моет,
там по тревоге

сперматозоид
когтит добычу
и землю роет,

там есть обычай
всем скопом слушать
распевы птичьи

и в дождь и в стужу
жене и мужу
душой наружу:

желтая птичка на ветке сидела
и такую песенку пела:

укусила мушка собачку
за больное место, за сра...

зу стала собачка плакать:
как теперь я буду ка...

к поезду я в Европу
полечить свою больную жо...

лтая птичка на ветке сидела
и такую песенку пела:

.....
.....

Сочинение по французскому языку на тему «о поэте и поэзии»

В колхозе «Победа»
во время обеда
случилась беда:
пропала еда.
— Ты съел?
— Да.
— Вот тебе!
— А!
— Вот тебе!
— В!
— Вот тебе!
— С!
— Вот тебе!
— D!
— Вот тебе!
— E!
— Вот тебе!
— F!
— Вот тебе!
— G!
— Вот тебе!
— H!
— Вот тебе!
— I!
— Вот тебе!
— J!
— Вот тебе!
— K!
— Вот тебе!
— L!
— Вот тебе!

— М!
— Вот тебе!
— N!
— Вот тебе!
— O!
— Вот тебе!

— Письмо,
оно какое?
Бологое?
— Письмо писомое.

— А ртуть
какая?
Запятая?
— Ртуть ртомая.

Ты любишь мёд и йот
(в тайге и в сое).
Мне нравятся:
а) твои губы
за их сходство с зайцами
б) твои волосы:
они похожи на лошадей
с) Саша,
на шоссе
сушку
сосущая
d) chasseur
sachant
chasser
sans son chien
и пусть я
не connaisseur коней,

не донар крови
е) путь к тебе
через Шампань
из Коньяка в Кагор
(ты поедешь на «Козлёнке»,
а я следом на «Орлёнке»)
f) припев:
козья кожа — козазель.
g) вор в законе
и его отражение
в зеркале
h) время в залоге:
несу-несушь-меня несут
i) язык в звукоподражании:
пи-пи
ка-ка
ма-ма
тя-тя
вя-вя-вя-вя-вя...

Мы соа-соа-соа-соа-соа
квакаем,
теи-теи-теи-теи-теи
мёкаем,
мы клю-клю-клю-клю-клю
клюкаем.
«Ключевина»—— qu'est-ce que c'est?
C'est болотина Сухотина,
c'est une клюква.
Но:
voici котлета
voici (ver vert va vers verr vert)
вермишель
j) чистый звук в перегласовке слов:

tapadaca
 tipidiki
 turuducu
 к) клеша на колокольне
 л) пижоны на крестах
 м) пушки вербен:
 verba putandi
 verba sentendi
 verba dicendi
 н) рефрен:
 ерунда — герундий
 или так:
 о) Ohé -ohé -ohé!

— Popova.
 Quelle est elle?
 Poubelle?
 — Elle est belle.

— А Казакова
 какова?
 Она что, нездорова?
 — Она сова.

Tres ли bien
 твоя сова,
 когда за ne va pas,
 и в синеве
 нас не много:
 а) рыболов под мухой,
 муха под персиком,
 персик под луной.
 Так и запишем:
 le pecher

empeschant
au pecheur
de pecher
b) Ганс Урс фон Медоед
Il va aller
или «Он ладит уходить», -
как сказали бы
на Горбовластице.

— Куда?
— За грибам
за ягодам

c) Адам-земляк,
подавившийся
адамовым яблоком.

— Каким?
Амурным?
— Земляным.

d) в маргарине
жемчуг Маргариты
e) в море
маринованная
Марина
f) Пиф
g) Може
(хоть он и не поможет)
h) и e тует,
и ё моё,
и h немое,
но ch-ch-ch...
Vach!...

i) Вот Гак,
а вот порог.
j) Вот порог,
а вот Елена Леонидовна Пастернак.

Пастернак,
как филфак?
Филфак, как Пастернак!

k) Вансаны
с пёстрыми значками
l) Леграны
с конскими хвостами
m) дада на палочке
n) Пикабия на дада
o) всё,
но то,
что всё же -
не одно
и то же:
сад в Труа
у Монпансье -
не монпансье
во рту у Сада,
L.H.O.O.Q.-
не шок кишок,
и в макинтоше зад -
не спинка
«Макинтоша».

— PRST
— Ну, Перс...
Ну, Пруст...

— ФХЦЧШЩ

— Кто ещё?

Аполлинер и пр.,

Сандрар и др.

Кто, как ни Кокто?

Где, как ни в кино?

И Кёно с Кокто,

а у Кёно:

a) твои глаза

(они мне нравятся

за сходство с водами)

b) твои ножницы

(они напоминают птиц)

Подстриги ресницы -

увидишь

c) ящериц

наостри слух -

услышишь

d) муз

Lezards des artes,

muses qui s'amusement...

Как тебе нравится

e) собачье высказывание:

«Hah!»(быть)

или «Wooh!»(не быть) -

вот в чём вопрос.

Как на твой вкус

f) 99 стилей пуговицы

недостававшей мне у Сен-Лазара?

Луна под пуговицей,

пуговица под мухой,

муха под персиком,
персик под луной...

Снятся ли тебе
g) Сидролен и Жоакен,
приснившиеся друг другу?
Внятен ли
h) язык заики
с судддоррррогой
длинойв
i) мёртвую Сену памяти Аполлинера
и ширинойв
j) мост Мирабо?
Вспомнишь ли пса под дубом?
Как ты думаешь — что их роднит,
как и
к) с какокалой — Зази?
(назови её хоть Зиной,
хоть по-по-по-по-по...
но подожди...)

l) уже не жаль,
но невообразима,
необратима,
как
m) свист
побратима рака на горе,
как Сен-Глан-Глан,
как
n) мы все,
но те,
что всё же -
не одно
и то же,

как

о) твой писк:

«Le chien a pissé dans le chapeau!» *

по-по-по-по-по...

р) ро-е-сие

1994

* Всё так.

Щенок написал в шапку

Шалалула

Шалалула,
ты не пришла,
шалалула,
кружится серпантин,
а я стою один,
«Есенин» поправляет такелаж,
ты не пришла,
шалалула,
ты не пришла,
и всё твоё от неизбежного:
люди отдыхающий,
непросыхающий,
бычок под солнцем
подышающий,
мрачок хохляцкий
нестихающий:
«Ты ж мене підманула,
ты ж мене підвела...»
tu ne viendras pas ce soir
tu ne viendras pas ce soir...
блеск вшей
и лоск клешей -
всё здесь сбылось,
как мысль о Сулико,
как нос её,
как мыс военный Меганом,
как сон,
один и тот же сон,
он вертится в моём сознании,
словно колесо:
ты в платье стоишь,

зажав в руке цветок,
сбегают волосы с плеча,
как золотистый шёлк...
И вишни алых губ,
и стебли белых рук -
прошло, всё прошло,
остался только этот сон,
остался у меня
на память от тебя
портрет, твой портрет
работы Пабло Пикассо -
и тот с веслом,
и тот снесло, -
ах, как не повезло!
И ведь ничего не поделаешь:
tombe la neige,
спят подо льдом моря
(как мёртвые под ЛЖД),
вертится земля,
ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля...
ве-е-ертится быстрее земля.
А здесь
колибри в «Соколе»,
туристы в крепости,
'ΕΝΘΑ ΚΕΙΤΕ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΔΟΥΛΟΣ 'ΙΩΑΝΝΙΣ
«здесь лежит раб Божий Иоанн»,
а «здесь были Вика и Чижик».

Чижик-Пыжик, где ты был,
когда Суворов
на казармы
храмы перестраивал,
в свою очередь
построенные из могил

(тела, впрочем,
не перезахоранивались)?
И уж где ты был,
Чиж-мой-Пыж,
когда всё греческое население
оптом
выселяли в приазовье? —
шаг
с далекоидущими
последствиями,
(а флаг —
нет, не советский —
русский пока ещё).
Расскажи-ка мне,
Чижок-Пыжок,
что это за такая была
«вольность под покровительством».
Может, это как недавно
«внутренние права Чечни»
или «им, татарам, недоступно...»,
как в «Песне о Буревестнике»?
Или это Манжерок?
Или это уголёк?
Или это городок?
Эх, чудака,
Судак
не снять на «Кодак»,
и море здесь
не диковинное,
а самое простое:
цвета
морской
волны.

Абдябдюбдя,
ты не моя,
абдябдюбдя,
я буду ждать тебя,
где ждать нельзя:
на склоне дня
на склоне Карадага
(подальше бы от Коктебля,
волошинского Коктебля),
так ждёт ЗК немолодой
минуты первого свиданья,
так дембеля
ждёт солдатня,
так провожают пароходы,
вослед крича:
«Ты приходи ко мне на ночь,
мы будем семечки толочь!»

Рождённый ползать
летать не может,
и с Червяка
не виден Сокол,
зато слышен голос:

— Ты подивись, Петро,
як москали кажуть «пиво»:
пі-і-і-і-іво!

— У-у...

Так и поубивал бы усіх.

— А ну як они тебе?

— А мене-то за шо?

Дивись, Петро,
не подавись!
Луна, не лопни!
Под Болваном
я спою ещё
болван болваном
среди любителей природы,
ментов
и железнодорожников,
как мы сидели
у речки, у Вонючки,
как мы сидели
в 12-ом часу,
ты прижималась ко мне
корявой рожей
и что-то пела,
ковыряясь в носу,
как я люблю
тихий свет твоих ласковых глаз,
как я строчу
эти строки сейчас
в неуютном Уютном,
и, что приятно,
я не боюсь,
что меня здесь
ночью
убьют.
Присоединят разве что
куда-нибудь ненадолго.

Присоединение
чего бы то ни было
во что бы то ни стало:
ханства без хана,

«Каменной Летописи»
без караимов,
мёртвого Крыма
без Крыма...
Но ведь, чтоб такое
присоединить,
его ж надо было
того...
укокошить...
За что ж?
И кто ж его?
Да всё те ж,
Куда ни глянешь...
Будет туман клубиться,
белый, как медведь,
будет и шкура его делиться,
пока будут петь
про Ялту,
где растёт золотой виноград,
где курчавые всадники
в кудрявом порядке не спят,
про тебя,
про маяк,
про пальму у трёх дорог
(это тётя Фамарь,
но о ней — погода),
про меня
(как мгновенье, неуловима,
каждый день ты проходишь мимо,
а я повторяю вновь и вновь:
«Не умирай, любовь,
не умирай, любовь,
не умира-а-ай, любовь»).

Эски-Кермен,
Эски-Кермен,
Иерусалим,
Иерусалим,
'ΕΛΘΕ ΚΑΙ ΣΚΗΝΩΣΟΝ 'ΕΝ 'ΗΜΙΝ
Простите, здесь не проезжал Соковнин?
Это не он оставил? —
поле,
выгоревшая трава,
незарастающая тропинка,
заяц,
ишь-ты,
шорх-шорх-шорх:
так и шьёт
по краю леса,
а вот и подъём:
камушки,
ракушки,
осколки средневековой керамики,
следы первобытного человека.
Интересно, кем он был,
этот первобытный —
украинцем или русским?
Нет уж, лучше присоедините меня
к Дубицким,
покажите мне
Чудо-Джудо
из Джуфут-Кале.

Айнайнани,
не уходи,
айнайнани,
опять идут куда-то

корабли,
а я стою на краешке
земли,
горят огни,
в порту
горят огни.
Не так давно под крики чаек
на Алчаке господ кончали,
а нынче чайники придут,
ножи сверкнут,
очки блеснут,
им шланги подпоют:
«Чёрное море моё,
Чёрное море моё...»
и выпьют за здоровье
атамана.
Чур меня!
Ваше здоровье,
тётъ Тамара
(Приморская 28.
Под немецким абрикосом
кто не пил «Золотую Осень»?)
Эй, Кулаков,
пошли ловить кулаков,
или ты к этому ещё не готов,
или ты пивоваров?
Об одном прошу:
не играйте здесь
в культурологию
с её логическим концом -
культурным блядством,
выгодным нацистам,
будь то руховским
или русским.

Поиграйте лучше со мной
в дочки-матери:

— Чаечки-чаечки,
чаечки-прощаечки,
этя ктё тяжёй клясивий,
ктё тяжёй халёсий?

Ви ни зняити?

— Неть.

Ми ни зняимь.

1995

ГЛОССЫ

ПОЭТ

— догадайся что это такое

ОСТАВЛЕН ПРИЗВАН ПОНЯТ УКЛОНИСЬ

— укажи что объединяет и что разъединяет эти слова

ОБИТЕЛЬ ПРАЗДНЫХ

— какое слово ты бы поставил дальше?

НАСЛАЖДЕНИЯ И УВЕСЕЛЕНИЯ

— определи что тут причина а что следствие

ОБИТЕЛЬ ПРАЗДНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ

— не кажется ли тебе что все это можно было бы назвать одним словом «гадюшник»?

ЯСНОВИДЯЩИЙ

— как ты думаешь зрит он или видит?

СВЕТ И ШУМ ЕГО

— как ты это понимаешь?

УЖ НЕ ПЛЕНИТ ТЕБЯ

— отгадай в уже ли тут все дело

СОБЛАЗНЫ ВЕКА

— как ты полагаешь может ли веко при определенных обстоятельствах если не соблазнять то по крайней мере быть соблазненным? Если да то при каких именно?

ТЫ УКАЗУЕШЬ ДВЕРИ РАЯ

— не находишь ли ты что тут содержится обращение? Если нет то где тут Бог а где порог?

ИСТОЧНИК ВОЛЯ ПУТЬ ГРЯДУЩЕЕ ТОЛПА

— как ты думаешь откуда это все взялось?

ТВОЙ ДАР

— догадайся кому еще он принадлежит

ТВОЙ ДАР ИХ

— уточни принадлежит ли он кроме вас еще кому-нибудь

ТВОЙ ДАР ИХ ТОЛЬКО

— как ты считаешь кто они и кто мы?

ТВОЙ ДАР ИХ ТОЛЬКО ПОКОРОБИТ

— как ты думаешь это правда или ложь?

ОБИТЕЛЬ ПРАЗДНЫХ НАСЛАЖДЕНИЙ
ТОБОЙ ОСТАВЛЕН ПЫШНЫЙ СВЕТ
И ШУМ ЕГО УВЕСЕЛЕНИЙ

УЖ НЕ ПЛЕНИТ ТЕБЯ ПОЭТ

НА ПУТЬ СЛУЖЕНИЯ ИНОГО
ТЫ ПРИЗВАН ВОЛЕЙ ВСЕБЛАГОГО

КАК ЯСНОВИДЯЩИЙ ПРОРОК
СОБЛАЗНЫ ВЕКА ПРЕЗИРАЯ
ТЫ УКАЗУЕШЬ ДВЕРИ РАЯ
И ЗРИШЬ ГРЯДУЩЕГО ИСТОК

ПУСКАЙ ТОЛПОЮ ТЫ НЕ ПОНЯТ
НЕ УКЛОНИСЬ! ЧТО НУЖДЫ ИМ
СВОБОДЕН ТЫ ИЛИ ГОНИМ?
ТВОЙ ДАР ИХ ТОЛЬКО ПОКОРОБИТ

НА ПЕРЕКРЕСТИИ ПУТЕЙ
ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ

— вспомни кто это сказал

ОСТАВЛЕН ПРИЗВАН ПОНЯТ УКЛОНИСЬ

— чьи это слова:

- а) мои
- б) твои
- в) наши
- г) наши общие
- д) суверенные
- е) ничьи

выбери правильный ответ

Как говорят поэты

- хочешь узнать историю о некогда дружной компании? см. 1
- если не хочешь, см. 14

1) На Дерибасовской открылася пивная

Перед нами одна из центральных улиц г. Одессы. Редкие группы прохожих то тут, то там прогуливаются в тени деревьев, читая афиши. Слева вдали вырисовываются очертания Оперы. Справа на переднем плане — фасад городской гостиницы. Через улицу напротив из распахнутой настежь двери изредка вырываются то ли звуки настройки музыкальных инструментов, то ли попытки фальшивого пения. Над дверью вывеска «ПИВО».

- если хочешь узнать, чьи это были голоса, см. 2
- если не хочешь, см. 10

2) Там собиралася компания блатная

Вообразим себе гнилую хевру из старых шлипперов, авторитетов, домушников и мешаных гудков. Чего ждать от них? Стирки? Гастролей? И где их шмары?

- если хочешь знать имена этих последних, см. 3
- если не хочешь, см. 4

3) Там были девочки Маруся, Роза, Рая и спутник жизни Вася Шмаровоз

Что это? Фамилия человека или народное прозвище какого-нибудь пакостного насекомого? А может, это, попросту, кличка домашнего животного? И если таков спутник жизни, то какова же жизнь?

- если хочешь узнать аргумент в пользу предположения о домашнем животном, см. 12
- если не хочешь, см. 4

4) Две полудевочки, один красивый мальчик, который ездил побираться в город Нальчик

Опираясь на основные положения теории рядов, автор пытался выяснить хотя бы то, значит ли «полудевочка», что она «полумальчик», но так как в начальных условиях не было задано никаких конкретных посылок, а метод дедукции здесь неприменим, вопрос так и остался неразрешенным. Все попытки подойти к нему с другой стороны, выяснив, например, красивы или некрасивы полумальчики, также были обречены на неудачу, поскольку указанный в условиях красивый мальчик был один и поэтому ни с чем не сравним просто в силу своей единичности.

- если хочешь узнать о чудесной метаморфозе, которая случалась с ним в г. Нальчике, см. 5
- если не хочешь, см. 6

5) И возвращался на машине марки Форда в костюме сшитом элегантно, как у лорда

Ребята, ну-ка догадайтесь, на ком был сей костюм: на мальчике, вернувшемся из Нальчика, на его новой машине или на Форде, знаменитом изобретателе машин?

- если хочешь знать, кем еще дополнялся список красавиц, см. 6
- если не хочешь, см. 7

6) Была красавица там Роза молдаванка собой прекрасная, как древняя гречанка, и с ней вошел ее всегдавешний попутчик и спутник жизни Вася Шмаровоз

всегдавешний — общеслав., составное: всегда — вечно, вешний — весенний; то есть всегдавешний — к вечной весне относящийся. На тот же образ вечного оживления природы указывает и пара «прекрасная как древняя». Ведь если гречанка тем прекрасней, чем она древней, не вправе ли мы предположить, что красота ее восходит к самым основам вечносущего?

- если хочешь знать, что было дальше, см. 7
- если не хочешь, все равно см. 7

7) Но тут Арончик пригласил ее на танец
он был для нас тогда почти что иностранец
он пригласил ее галантерейно очень
и посмотрел на Шмаровоза между прочим

А между тем и среди прочего рыжих били, кончики искали и не находили, Гришу сторожили, отвечая «да», как бы вскользь шутили, чай в ответ дарили, прели, но давили, прели, но давили, сочувственно травинку поднимали, за кавказское безмолвие не жали руку, имя Кузьмича вполголоса произносили, маму брили, лили, лили, лили, хоть и знали: или-или...

- если хочешь знать, в каких выражениях начиналось приглашение, см. 8
- если не хочешь, см. куда-нибудь еще

8) Держась за Розу, как за ручку от трамвая,
он ей сказал: «О, моя Роза дорогая,

На таком историческом удалении уже практически не представляется возможным установить хоть с какой бы то ни было степенью очевидности как дороговизну этой последней, так и стоимость ее бесценных услуг. Ясно одно: чичисбей, он был полон своей аматершей!

- если хочешь знать, как оно продолжалось, см. 9
- если не хочешь, никуда не смотри

9) Я Вас прошу, нет, я Вас просто умоляю

Да нет, это не я, Сухотин, а он, Вася умоляет, и не Вас, а Розу

- если хочешь знать, о чем он, собственно, умоляет, см. 10
- если не хочешь, см. 11

10) сплясать со мной прощальное танго»

Прощай, свободная, стихи
я б нюхал, как духи,
когда б не падла-часовой
весь день передо мной

— если хочешь знать, на каком слогe в слове «танго» следует ставить ударение, см. Зализняк А.А. «Грамматический словарь русского языка», М., 1980, «Русский Язык», стр. 516, правый столбец, 11-ое слово снизу

— если не хочешь, см. 11

11) Красотка Роза танцевать уж не хотела
она и с Васею порядочно вспотела

Прощай, дада, прошли года,
расколота вода,
но даже в мыле и в поту
не скроешь красоту

— если хочешь знать сколь противоречив был характер красавицы, см. 12

— если не хочешь, см. 13

12) Но улыбнулась в ответ красотка Роза
и раскраснелась морда Васи Шмаровоза

Прощай, размах крыла расправ,
искусство — это шкаф,
как говорил один поэт,
отмучен и испет

— если хочешь знать как развивались дальнейшие события, см. 13

— если не хочешь, не см. 13

13) Тут подошел маркер известный Моня
о чей хребет сломали кий в кафе «Фанкони»

побочный сын Катамержицкой тети Еси
известной бандерши в красавице-Одессе.

Он подошел к нему походкой пеликана
достал визитку из жилетного кармана
и так сказал «Как говорят поэты...

А как говорят поэты?

Как безуханный цветок
смотрит прошедшее вслед
цвет увял
цвет увял
нету Розы моей!
Рок хладный отъял
радость очей
жизни красу
о, счастья нет
счастья нет!
Где дни любви
сладкие сны
юные грезы весны?
Где шум дубров
пенье птиц
цвет полей и лугов
блеск снегов
серп луны
всполохи редких зарниц?
Как череда облаков
дни протекли.
Этот сад
этот взгляд
не вернутся назад
(городской ботанический сад,

молодой саркастический взгляд)
О плачевный удел!
Что за плачевный удел!
Кто тот злой великан
что клумбу
(клумбу?)
ну да, клумбу твою истоптал
погасил огонек
родной огонек?
Что мне нега теперь
сладость утех?
Горсть лепестков,
Розочка,
прах дорогой,
горстка сухих лепестков
в урне
(в урне?)
да, в урне
замкнулась во тьму.
Пошло пусты фиалы
никнет головка твоя
зябнет ножка
разбита мечта!
Чашка
чашка разбилась моя!
Чача
(как чача?!)
о, чача разлилась моя!
Ночь, скорей приходи!
Вот и смерклось окрест
стирается образ
теряется вид.
Все унесла ты с собой
и солнца свет

и любовь
и покой
все что дышало тобой,
тобою одной.
В сердце моем
нет надежд и следа.
Все прошло
навсегда.
Навсегда.

— если хочешь знать финал истории, см. 14
— если не хочешь, смотри, не посмотри 1

14) Тут поднялася катавасия такая
передралася вся компания блатная
там били девочек Марусю Розу Раю
и бил их лично Вася Шаровоз

Это сочинение

— это — сочинение

— это сочинение написано настолько общими для всех словами, что кажется — его бы мог написать каждый

— это сочинение написано слева направо и сверху вниз

— в настоящий момент это сочинение находится в процессе сочинения,

— содержание этого сочинения является собственностью автора, едва ли не в такой же степени, как и любого читателя

— форма этого сочинения абсолютно адекватна его содержанию

— все в этом сочинении только так, как могло быть, и ничего в нем не могло быть, что не так, так как, если б могло быть, то было б

— бывало глянешь, а этого сочинения как бы и нет

— что до чтения этого сочинения, то оно уже началось, и, может быть, гораздо раньше, чем Вы заметили

— это сочинение иногда произносится, иногда поется, но всегда — подразумевается

— если бы не это сочинение, автор, вероятно, давно бы уже был ТАМ

— это сочинение далеко не единственное, написанное автором в такой манере

— в ряду сходных по духу произведений это сочинение занимает совершенно исключительное положение

— это сочинение вызвано к жизни размышлением над стихотворением О. Э. Мандельштама «Меня преследуют две-три случайных фразы»

— это сочинение рассчитано на максимально критически настроенного читателя

— это сочинение не имеет ничего общего с:

папарáрампарáрам отчизне
папарáрампарáрарам груз
папарáрампарáрарам жизни
папарáрампарáрарам вкус

— это сочинение не допускает и мысли о:

таратáратарáдаратá человек
 таратáратарáдаратáра доньне
 таратáратарáдаратáдара снег
 таратáратарáдаратáра чужбине

— если это сочинение и напомнит Вам:

найнáннáранáннáранáйнáйнáйнáннáннáра люблю
 найнáннáранáннáранáйнáйнáйнáннáннáра плечи
 найнáннáранáннáранáйнáйнáйнáннáннá протрублю
 найнáннáранáннáранáйнáйнáйнáннáннáра речи —

не удивляйтесь: это Вам только показалось

— генезис, эволюция, морфология — все это как бы отступает на второй план перед самим фактом существования этого сочинения

— в настоящий момент это сочинение находится в процессе сочинения

Следует читать

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

но не в этом дело

ВОТ МОЙ ДОМ РОДНОЙ

как это родной, что значит «дом» и почему именно мой?

ВОТ КАЧУСЬ Я В САНКАХ

но не в этом дело

а дело в том что:

— с одной стороны ПО ГОРЕ КРУТОЙ

— а с другой стороны я не понимаю как катящая в глаза неотвратимость, называемая «гора крутая», связана со всем последующим ходом событий

— с одной стороны ВОТ СВЕРНУЛИСЬ САНКИ И Я НА БОК ХЛОП

— а с другой стороны я не понимаю, почему КУБАРЕМ КАЧУСЬ Я ПОД ГОРУ В СУГРОБ

— с одной стороны ВСЕ ГЛАЗА И РУКИ ЗАЛЕПИЛ МНЕ СНЕГ

— а с другой стороны я не понимаю почему «руки и глаза» следует читать как «однажды русский генерал из гор к Тифлису проезжал», а «снег залепил» — как «когда едешь на Кавказ, солнце светит прямо в глаз»

— с одной стороны МНЕ В СУГРОБЕ ГОРЕ А РЕБЯТАМ СМЕХ

— а с другой стороны я не понимаю почему «а» следует читать именно как «а», а не как «и»: вот бегае же красный, как фонарик, мальчик, — ему И больно И смешно

— с одной стороны И ДРУЗЬЯ-МАЛЬЧИШКИ СТОЯ НАДО МНОЙ

— а с другой стороны я не понимаю где же вы теперь, друзья-односельчане (следует читать «однополчане»), где я сам, где время наше, когда от всех тех лет, если что и осталось, то парафразы (следует читать «пересуды»), а нас уже давно нет на свете. Что такое свет? Что такое снег? Что такое смех?

— с одной стороны ВЕСЕЛО СМЕЮТСЯ

— а с другой стороны я не понимаю как граничащее со злорадством показное зубоскальство, называемое «весело смеются», связано со всем предшествующим ходом событий

— с одной стороны НАД МОЕЙ БЕДОЙ

— а с другой стороны

ЕХАЛА ДЕРЕВНЯ
МИМО МУЖИКА
ВДРУГ ИЗ-ПОД СОБАКИ
ЛАЮТ ВОРОТА
ВЫСКОЧИЛА ПАЛКА
С БАБКОЮ В РУКАХ
В ШЕЛКОВЫХ БОТИНКАХ
В КОЖАНЫХ НОСКАХ
ЛОШАДЬ ЕЛА КАШУ
А МУЖИК ОВЕС
ЛОШАДЬ СЕЛА В САНИ
А МУЖИК ПОВЕЗ

я не понимаю, почему в санях сидела лошадь

Послесловие

В чем тут еще беда — в артистичности. Мало того, что у Сухотина остро. У многих остро. Мало того — горячо. Есть и у других — горячо. Так еще и сделано как надо, с удовольствием сделано. А этого уже не любят. Не любят у нас таких, кто высовывается. — Понимаешь, ты же ребят подставляешь. Как сказали, говорят, одному, кто наладил было делать часы, которые еще и ходили. Сказали-объяснили культурно, когда он угольки разгрел — когда только угольки и остались от его производства. Так рассказывают. И так делают, и мы прекрасно все это знаем. Стихи — не часы, не машины, даже не клипы. Не тот продукт, товар, спрос. Тут пока не жгут, не стреляют — тут все спокойней, но зато и надежней. Тут — просто. Просто не дают ходу — вот как хоть Сухотину, например, и на моих глазах уже больше 10 лет.

Спасибо Тишковой, конечно, и за иллюстрации к «Великанам» и спасибо, главное, за самих «Великанов» — как я понимаю, без него бы книжка просто не вышла. И вышла книжка, конечно, по-своему очень хорошая — хочется сказать, что надо книжка — но так как раз и не скажешь. Все-таки не совсем то, что надо.

Немножко чересчур хорошая книжка: немножко чересчур дорогая. Немножко элитарно вышло. Для первой книжки — даже и не немножко. Об элитарном-неэлитарном разговор долгий, не нами начат и не нами окончится и не тут его затевать, но все же как не сказать: сомнительно уже то, что явление это либо искусственное, либо насильственное.

Искусственное оно, когда автор сам желает заявить, объявить свое искусство, как выражается канал НТВ, «кино не для всех». И неудачно выражается. «Для всех» — «не для всех» — решать не автору и уж никак не каналу, никому не Парфенову, Курляндцевой. Да хоть Гусинскому — в с е м и решать. Для них ли это кино — для всех — или нет. Или не для всех. И, естественно, решать времени. На практике претензия на элитарность обычно и означает претензию. «Зеркало» с первых кадров хочет быть как можно элитарней. Каждый кадр «8 1/2» хочет одного — быть естественней, необходимей. Быть самим собой. Таким, каким хочет и может быть прежде всего сам этот кадр. Этот фильм. И если при этом фильм оказывается все-таки элитарным — это уже другой разговор —

социологический. Хотя, кажется, собирал фильм и кое-какую кассу.

А насильственно элитарным искусство бывает, когда его в элитарность выдавливают. Выпихивают. И это уже разговор третий. Третий случай. Он-то и есть наш случай.

Почему у нас воровство — национальное бедствие, вполне сравнимое и с тоталитарной властью? Или думали, что демократия бывает только стерильной? Откуда? Что, не читали — не зубрили сами про периоды первоначального накопления, дикий капитал и т.п.?.. То-то и оно, что не дикий. Не дикий у нас, а тот же государственный. Государственный бандитизм во вполне непереносном смысле слова — грабеж, воровство в два этапа, вдвое и в квадрате: хапануть сперва себе все средства, все невиданные в мире технические возможности тоталитаризма, бывшие государственные, а затем при помощи этого тотального инструментария хапать и хапать уже просто все, буквально все, абсолютно, что в глотку лезет. Все слопали. А кто слопал?..

Литература-искусство не лес-газ, не те масштабы и не те аппетиты. Тут потише, тут не те куши, но повадки-методы те же, те же кадры, и если и считать все эти наши дела мелочью, то уж зато мелочь эту под ковром тут не проведешь, ничего не спрячешь и гадать — голову ломать, кто схапал, кто слопал, не приходится. Каждый раз по поговорке: мелочь, а приятно. Глядеть публике, как делаются эти дела — не забыли, что искусство публично? Тут мало сказать, все на виду — все под лупой, все нагляд-

но. И авторская судьба Сухотина для меня, к примеру, мелочь из самых крупных. И в этом смысле приятных.

Вот два поэта. Кибиров и Сухотин. Сухотин и Кибиров. Кому кто как, а, в общем, можно согласиться, один не хуже другого. Мне все-таки ближе Сухотин. Судя по слабостям — у всех они свои, но у Сухотина они, по-моему, безопаснее. Скорей бывают технические, неагрессивные, не настырные, не лезет слабость быть силой: взбесившаяся слабость — это, знаете... Словом, если у Сухотина слабости, скажем так, не принципиальные, человеческие, то у Кибирова — так сказать, творческие. А сильно творческих слабостей как-то я опасуюсь.

Но то я — а молодой решительный, скажем, критик Архангельский глядит на все на это иначе — глядит с отвагой. Как орел на солнце, не отводя взора. Не отвлекаясь от главного для себя — и до такой степени не отвлекаясь, что даже и удивительно. Поэтов-то ведь все-таки два. Собственно, и не два, несколько больше, но в этом случае важно, что больше одного. Больше одного Кибирова. Хотя бы и главного для Архангельского. И два — это как минимум. Да их и правда же было двое, и все это помнят: Кибиров и Сухотин были, парой. Парой «концептуалистов»: Сухотин и Кибиров. Чего ж бы и не отвлечься другой раз. Хоть для видимости. Для порядка. Для протокола. Чтoб все-таки неудобно не вышло.

Шутите: «неудобно»... Скажите еще «в порядке очереди»...

Андрюша Женя были, что говорить, не подарочек, не подарочек они и остались. Сиде-

ли плотно, не пуская тех же Леву или там Тиму. В точности, как ныне Тима плотно не пускает Мишу — не считая ряда разниц. И не в пользу Тимы и Димы. У Андриюши-Жени, как считалось, движения все же были несколько скованы — как и у всех: таков уж был советский режим. Дима-Тима-Сережа у нас гуляют по своей воле. Слава Богу. Андриюша Женя не имели опыта Сережи Димы и Тимы, в т.ч. опыта наблюдения Андриюши Жени Беллы и т.п. Сережа Дима Тима опыт Сережи Димы имеют. И Сережа-Дима Тима у нас явно шустрой. Андриюша Женя, как считалось, в принципе как бы могли и не знать о существовании Сережи, Левы, Димы или там тем более Тимы — в силу хоть тогдашней тиминой молодости. Тиме Мишу же не знать — мудрено, а точнее сказать, исключено. Невозможно. Вопрос: «— Разве я сторож брату своему?» и то попал на скрижали; представить только, какие эффекты, громы, молнии и метаморфозы вызвал бы вопросик: — А кто это, Господи? А? Кто это такой — Авель?..

Чего смешного — а не такой разве вопрос, не такое именно незнание-неведение и подразумевают такое вот поведение, такое исполненное гордого доверия и величия видение и ведение себя во главе всех сил архангельского воинства при полнейшем игнорировании? Во главе Сил быстрейшего полнейшего игнорирования. Игнорирования хоть бы таких строчек:

Идея смерти очень многим
Не открывается никак...

Это уже — судя не по слабостям, а как раз наоборот. Как, наверно, судить и полагается. Да, Сухотин как и Кибиров бывает программно вторичен, цитатен. Но до чего легок, до чего счастлив бывает этот его цитатный, читанный, центонный стих — не потому ли, что на редкость бескорыстен по самой натуре и, главное, по отношению к образцам — просто рад так поиграть с ямбом — Вперед, Двенадцатый Людовик! Вперед, Тринадцатый Людовик!.. Бескорыстен совсем не значит легковесен. Просто начисто не спекулятивен, что отнюдь не так часто встретишь. Дар божий автора и дар божий автора-читателя встретились и поладили: радуясь чужому, не зарясь на не свое, читатель-автор имеет все шансы стать вровень с автором. Стать автором.

И становится. «Идея смерти» — брр... Цитаты, псевдоцитаты должны быть неоспоримы. Но чем они знакомей, автоматичнее выговариваются, тем легче звучит голос — а итоге остается именно эта легкость подъема, полетность. Она решает, она заражает, она подлинна — слова подвернуться могут и не те, не совсем те — как будто. Голос не подведет, не обманет. Его не подделаешь. И он пересиливает: прислушиваешься — да что за эпиграммы на нелегкие темы, — и вдруг соображаешь: так это же не сама нелегкая тема, а это тему зацепили, прицепили к воздушному шару — и — ап... Ур. Это на тему: и у нелегкостей бывают свои незадачи. Никак не открывается идея смерти, хоть бы что. А что — чтоб открывалась — это так уж и надо? Надо кому?.. И очень многим?.. Незадача неза-

дачи, препинанье препинанья — самый же что ни на есть «Вариус» — сама легкость и складность стиха оказывается с подвохом.

«Не открывается никак», ее забота не рекордность, а естественность — а что эта редкостная речевая естественность тут и достигается таким стихо-ритмическим рекордом — ну, так уж вышло... Строка же, фраза мало сказать естественная — просто остро характерная строка, верней сказать, она и остро характерная, сидит в ней и это, ее можно прочесть и так, и тянет прочесть так вкусно-«вариусно», подчеркивая, выявляя некоторую ладность нелепости, грацию препинанья. Вроде как: «Спазма ума./ Положить начало./ Здравствуйте, Кузьма Иваныч»... «Большая Медведица./ Есть и другие созвездия». Не открывается и не открЫ-Ывается. НИ— КЫ— АК. Тьфу. Ну что тут будешь делать...

На первый взгляд, Михайлы Соковнин и Сухотин именами-фамилиями схожи куда больше, чем натурами, речью, голосом, да и просто на вид. Казалось бы. Однако сидит, значит, в Михаиле Сухотине и Михаил Соковнин как в классичном легком четырехстопном сухотинском ямбе сидит такая неуклюжая якобы заковыка, формально не выбиваясь из размера, но выглядывая, как медведь из чащи. И храня вполне ямбическое выражение на физиономии, строка давится со смеху — скажите, как. Однако. Какие же неприятности, какие затруднения для о ч е н ь м н о г и х и для **идеи**, главное. И д е и с м е р т и ...

И только рот растянешь повеселиться — простите, а в чем дело, собственно? Перед вами

нормальные строки. Складные. Философские. Элегия. Послание. Размышление. Что смешного?.. «Пушкинская лукавая многозначность...» — постоите-постоите, кто же это так не так давно выражался? И о ком это он так? А ведь, кажись, о себе он и выражался. Точно. И тонко. О себе, авторе. Но не Сухотин о Сухотине, нет. Кибиров о Кибирове. И

Едет он без крайней плоти
По степи бескрайней...

— действительно ведь, строки блистательные. По-своему. Удачные лихие — правда же, брать примеры, так брать уж самые убойные, самые знаменитые, самые репрезентативные. Все верно. Строчки прославленные, и тоже, кстати, ведь цитатно-центонные, только вот насчет багрицкой лукавой многозначности — как-то... Извините.

И сравнить — сколько же раз читатель-зритель-слушатель имел случай ознакомиться с этими и с другими такими же многозначными много-много раз растиражированными строчками Кибирова, и сколько раз — с сухотинскими, хоть приведенными выше. Картина, думаю, получится как раз не многозначная. Напротив. Достаточно однозначная картина. Однако многозначительная.

Заметили, как любит поэт Кибиров окликать безличную некую стихию, ощущать ее стихийную безраздельность, как бы причащаться ей, окунаться в нее? Попрошай. И стихия Кибирову откликается. Явно, явно Кибирова выделяет и неплохо к нему относится. Стимули-

рует. Стихия-Россия, только не есенинская, не Андрея Белого — какая-то еще. Русская, но новая русская. Новая Русская Стихия и Новый Русский Поэт Тимур Кибиров понимают друг друга. Чем-то они оказываются созвучны.

Этот вой стихий внятен и Сухотину — да и кому же не внятен, если по правде — хоть уши затыкай — как-то иначе. Он им занят вплотную, на совесть, но окунаться в это — зачем? И тем более имитировать движения прыгуна с вышки... Сухотин вообще не отвержен пантомимическим этюдам, обильным, бурным и экспрессивным; его центонность, цитатность и стилизованность гораздо меньше связана с имитационностью, и если вслушаться, центоны его едва ли не иной природы вообще, противоположной Кибирову или Пригову. И **многозначность** — во всяком случае, технически предопределенная двойственность центона у него если и **лукава**, то не в значении: избави нас от лукавого...

По-своему стихии играют у него не менее резво, но в этих играх этих стихий сам он не повязан. Если и суше Сухотин, то зато и чище работает, стих у него четче и легче — легче для читателя, а не для автора: он эмоционально опрятен и детский вопрос: а взаправду это или так понарошку — не к нему. Рок-раскрутка строк явление забойное-отпадное, но и специальное, как пригово-кибировы слезы. А тут строка такая, как на самом деле, какой сама хочет и должна быть, а забить сбить в темпе вколотить тебе цитацией-имитацией номинальную эмоцию строка и не рассчитывает. Она

объективна. Собранна. И эмоцию несет иначе. Автор если вопрошает, то конкретней как-то, не предполагая причитания — просто чтение. И не располагая к лукавым подозрениям на классику **однозначно**. Вряд ли польстит вопрошаемому чижку-пыжку — еще не факт, в кайф ли. Спонсору. Слезы если где-то там и есть, то не те. Не родные, а тверезые. Не лукавые, не луковые. И не из груши, как в старом цирке.

Айзенберг вспомнил кстати: **элитарности** наши — реализация нац-соц программы Бондаренко: чтоб таким вот — не народным — дать тираж, ну, сколько-то сот, зальчик мест на сколько-нибудь десятков — садок. И пусть друг дружку там забавляют. За бесплатно, понятно. А Большая Литература, а Партия-Система-Народ их отслеживает: а ну ка, кто тут дорос, кто достоин?..

Большая усохла, Партия усопла. А Система вот она: Сухотин, там, Вс.Некрасов — элитарные. Бесплатные, а то и с приплатой. Кибиров-Пригов — популярный народный. **Паренька заметили.**

Кому как, а мне вот интересно все то же. Как гнут-кривят, и что от этого, бывает, бывает. Легко приятно как сперва все согнется, и как потом распрямляется — с эффектом, щелчком по носу. Не мимо. Как здорово выходит сперва покривить, обогнуть, и какие затем приходится корчить рожи, ежиться-корезиться, заранее пытаюсь уворачиваться от этой тугой пружинки — обогнуть да, согнуть — нет, пока что не получалось. Обогнуть до поры-времени. Чего ж так корчиться-то, кто ж велел кривить, оги-

бать? Фадееву, скажем, по кривой объезжать Булгакова? Хотя к Фадееву это вопрос риторический. И исторический. Ясно, кто, т. наз. эпоха. Партия велел. Товарищ правительство. Государство. Это воровство чужого места — классическое советское государственное воровство.

А Кибирову — кто? Хорошая знакомая редактор велел? Отловленные спонсоры? Молодой советский критик с туговатым, да шустрым умом, зато без комплексов, с напорчиком и возможностью Ями? С организаторской жилкой. Да хоть и вся уже организация совещание молодых таких жилистых писателей-критиков семьдесят лохматого года при Союзе Советских Приятелей — это, знаете, еще не инстанция. Возможность Я — еще не резон. И никакая Партия не виновата. Не Государственное Дело, а уже частное. Ваше личное, хотя и коллективное ваше. Но приватизированное. И раскрытое — да-а... С госразмахом средств Ами-способами еще того режима. Как, впрочем, и кадрами.

Как будто столько общей дряни, сколько скопилось тут за 70 лет, могло сразу вдруг куда-то деваться. Просто коллективная вина и ответственность разделилась на вины и ответственности каждого — зеркало тролля разбилось на сколько-то там сот миллионов кусочков. Ровно на столько, сколько нас пожелали взять этого греха на душу — уже не на душу населения — на свою. Взять, и не заметив, проморгав переворот с головы на ноги. Или пожелав проморгать. На столько долей воровства, сколько нас поняли свою свободу как

свободу своего воровства. Власть советская и не допускала никакого иного понимания свободы искусства, кроме как свободы воровства искусства в свой властный карман. Свободы полного произвола власти. И весь грех брала на себя — выбора никому не было. Но по мере, как советская власть начала кончаться, стал прорезаться и выбор, свобода каждому из нас воровать — не воровать, благовать — не благовать. Самому идти или не идти в молодцы. И вольно же было ребятам идти, кто пошел. А пошли массами. Что однако не означает еще ни смерти искусства, ни конца света, ни окончательного начала светлого царства всеобщего воровства и рвачества. Означает пока одно: и говно же вы, ребята. И не надейтесь — не вместе вы оно самое, как раньше, а вот именно что лично. Каждый из вас по отдельности, персонально. Но. В с е т а к и не в с е.

Всеволод Некрасов

Михаил Сухотин
ЦЕНТОНЫ И МАРГИНАЛИИ

Художник Д. Черногаев
Корректор Л. Иванова
Компьютерная верстка М. Терещенко

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
а/я 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 60x90¹/₁₆ Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9, Зак. 803
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО типографии «Полимаг»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2001 г. вышли:

Ю. Андрухович. **МОСКОВИАДА**

Скандалный роман известного украинского писателя, лауреата премии им. Гердера (2001 г.), Юрия Андруховича «Московиада» — один день (но какой!) из жизни поэта Отто фон Ф., студента Литинститута, его забавные и грустные, драматические и гротескные приключения в Москве рубежа 80—90-х годов. Реалистические картины московской «перестроечной» жизни перемежаются хмельными и фантазмагорическими похождениями героя.

А. Нуне. **ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ**
Роман

Самое завораживающее в этой книге — задача, которую поставил перед собой автор: разгадать тайну смерти. Узнать, что ожидает каждого из нас за тем пределом, что обозначен прекращением дыхания и сердцебиения. Нужно обладать отвагой дебютанта, чтобы отважиться на постижение этой самой мучительной тайны. Талантливый автор романа «После запятой» — дебютант. И его смелость неопита — читатель сам убедится — оправдывает себя. Пусть на многие вопросы ответы так и не найдены — зато читатель приобщается к тайне бьющей вокруг нас живой жизни.

А. Гольдштейн. **АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО БРАКА**

Новая книга известного эссеиста, критика, прозаика Александра Гольдштейна (премия Антибукер за книгу «Расставание с Нарциссом», НЛО, 1997) — захватывающее повествование, причудливо сочетающее мастерски написанные картины современной жизни, исповедальные, нередко шокирующие подробности из жизни автора и глубокие философские размышления о культуре и искусстве. Среди героев этого своеобразного интеллектуального романа — Юкио Мисима, Милан Кундера, рабби Нахман, Леонид Добычин, Че Гевара, Яков Голосовкер, Махатма Ганди, Саша Соколов и другие.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В серии
«ПРЕМИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО»
вышли книги:

2000 год

Михаил Айзенберг
Другие и прежние вещи

Александра Петрова
Вид на жительство
С предисловием Александра Гольдштейна

Сергей Стратановский
Тьма дневная
С послесловием Виктора Кривулина

Елена Фанайлова
С особым цинизмом
С предисловием Александра Секацкого

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В серии
«ПРЕМИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО»
вышли книги:

2001 год

Игорь Вишневецкий
Воздушная почта
С предисловием Ильи Кукулина

Григорий Дашевский
Дума иван-чая
С предисловием Елены Фанайловой

Николай Кононов
Пароль
С предисловием Вячеслава Курицына

Ярослав Могутин
Термоядерный мускул
С предисловием Жан-Клода Маркадэ

Новое литературное обозрение

Теория и история литературы, критика и библиография

Периодичность: 6 раз в год

Первый российский независимый филологический журнал, выходящий с конца 1992 года. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте. В «НЛО» читатель может познакомиться с материалами по следующей проблематике:

— статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; важнейшие классические работы западных и отечественных теоретиков литературы;

— историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярия, мемуаров и т.д.);

— статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни, ретроспективной библиографии.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»

(в объединенном каталоге «Почта России»);

подписной индекс 39356

«Роспечать»:

подписной индекс 47147 (на полугодие)

48947 (на весь год)

Неприкосновенный запас
Дебаты о политике и культуре
Периодичность: 6 раз в год.

«НЗ» — журнал об интеллигенции и для интеллигенции, своего рода интеллектуальный дайджест, форум разнообразных идей и мнений.

Одна из основных задач «НЗ» — объективный анализ того запаса идей и воззрений на мир и на самих себя представителей образованного сословия, который почти всегда воспринимался как безусловная данность, как аксиома.

Среди вопросов и тем, обсуждаемых на страницах журнала: интеллигенция и власть; интеллигенция и деньги; институции гуманитарной мысли, интеллигенция и другие сословия; культурные фигуры, властители дум; новые исторические мифологемы; метрополия и диаспора, парадоксы национального сознания за границей; циркуляция сходных идеологем в «правой» и «левой» прессе; религиозные и этнические проблемы; проблемы образования; столица — провинция и др.

Подписка по России:

«Сегодня-пресс»
(в объединенном каталоге «Почта России»):
подписной индекс 42756

«Роспечать»:
подписной индекс 45683

Как люди вырастают! Вот Сухотин взял - и вырос!

Д. Пригов

Сухотин! Миша! Дали голубые
сияют нам. Родные Великаны
могучие ладони расправляют,
легонько нас подбросив. Мы летим.

Т. Кибиров

Не покидает ощущение, что Сухотин воспитал в себе авангардиста волевым путем. При этом настолько вжился в свою новую судьбу, что импровизация дается ему легко и естественно. Но первое, что бросается в глаза: закалка традицией и выучка гармонии, как бы поневоле сообщающие законченность и двояобразную графичность всем литературным движениям автора. Его новации описывают траекторию сумеранга. Законченность как будто не значится в списке достоинств авангардиста. Но мне дорого не то, что значится в списках, а то, что есть.

М. Аizenберг

Что мне близко в том, что делает Миша, так это его работа с каноном. Сочетание жестких жанровых рамок с неопределенностью жанровой соотносительности (одной из главных черт новейшего искусства) мне кажется весьма продуктивным.

Л. Рубинштейн

Из неопубликованного сборника *Задуманная беседа*

Михаил Сухотин родился в 1957 году в Ленинграде. Автор книг *Великаны* и *Дыр бул щыл по У Чэн-Эню* (Кельн, Германия, 1996–1997).

Живет в Москве.

В 2000 году стихотворения Михаила Сухотина 1999–2000 годов вошли в short-list Премии Андрея Белого.

П Р Е М И Я
А Н Д Р Е Я
Б Е Л О Г О

ISBN 5-86793-159-5

